

С НУЛЕВОГО РАНГА

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ
АРОН РОДОВИЧ

Том 7

**Арон Родович
Сергей Реалов**

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 7**

<https://litres.ru/74609374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря!
Ведь я вернулся на двенадцать лет назад!

Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать.

Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз!

Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными.

Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Реалов, Арон Родович Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 7

Глава 1

Выбрался из пассажирской кабины первым и ударил левой ладонью по капоту ещё до того, как Аким успел снять ногу со сцепления.

— Стоять, обеим машинам. Катя, дай отметку, вслух.

Голос из радики был ровным, и это меня не успокоило — Катя ровной бывает именно когда цифры ей самой не нравятся.

— Утро двадцать четвёртого дня, по независимым часам: девять ноль-ноль одиннадцать. Секундомер твой стартовал вместе с моим словом «старт» — погрешность меньше секунды. Внешняя отметка — моя тень на верхнем камне. Приём.

Секундомер на моём запястье пошёл. Неактивный браслет ещё до выезда Катя приняла по описи в терминальную ячейку. Здесь я проверял секундомер на запястье, а её голос

шёл из рации; два разных отсчёта предстояло сверять при каждом сбросе. Остались двое честных свидетелей: механический секундомер у меня и механические часы у Кати, снаружи. Этого хватит. Должно хватить.

— Принял. Разворачиваемся, работаем по плану. Аким, гони до последней площадки, там спешиваемся все десять.

Забрался обратно в кабину, придерживая дверцу левой. Последний короткий переезд прошли на первой передаче; у площадки снова выбрался из машины.

Мы встали в сотне шагов от кромки — рваной, дышащей полоски, за которой обычный серый камень становился... другим. Не цветом, не светом — чем-то, что глаз цеплял и не мог назвать. Первая жизнь оборвалась в тридцать четыре в Чёрной дыре; на нынешних картах подход к Складке совпал с тем знакомым рельефом. На спуске до сих пор хотелось поставить ногу там, где ставил тогда. Проверял шаги: знакомая дорога уже однажды меня убила. Теперь у меня было В-звание, двенадцать лет памяти в голове, полуортез на правой руке и десять человек, которые смотрели на меня так, будто я знаю, что делать.

На знакомом склоне мог провести их по памяти. За кромкой придётся проверять даже её; именно там я в прошлый раз ошибся.

— Строимся, — отойдя от капота, подхватил левой пику, сложенную в три секции. Цепь тихо звякнула. — Разбивка прежняя. Первое звено: я, Тагир, Аким, Тони, Ада. Второе:

Василиса, Руслан, Инга, Борис, Яна. Василиса — второе звено ведёшь, но не в смысле «идёшь первой». В смысле отвечаешь за него.

— Разницу поняла, — Василиса отвела Руслана к своему звену. Она всегда понимала с полуслова, и половину второй фразы произносила уже сама, у неё это называлось «экономить твоё дыхание, командир».

Катя осталась у машин — механические часы, независимый канал, глаза. У её наружного поста останутся часы, с которыми будем сверяться: если внутри собьётся мой счёт, Катя поправит по своему. Проверая рацию, она ещё раз подняла её к губам; я дождался короткого щелчка в своём канале. Борис пока встал у самой кромки — держать нить: без якоря и без глаз на якоре я внутрь десятка не веду.

Я повернулся к людям. Все стояли, кто как привыкал к этой полоске чужого мира: Тагир — спокойно, он сюда рвался; щит у него был его собственный, широкий, налаженный, а пики при себе Тагир не носил — его работа была не колоть, а закрывать; Ада — чуть развернув корпус, чтобы видеть моё лицо: радио ей за спину не положишь, глухая, читает губы и жесты, а говорит сама, голос у неё резкий, поставленный; Тони ухмылялся так, будто его позвали не в аномалию, а на рыбалку.

— Задачи, — сказал я и поднял левую руку, чтобы Ада видела меня, а заодно все остальные замолчали. — Инга — аптечка на тебе, идёшь во второй шеренге второго звена, ле-

чишь по ходу, не останавливая строй. Если я скажу «стол» — это значит «неподвижное укрытие, креплю ботинки», не ищите стол, его тут нет. Ада — ты мой эхо-переводчик: всё, что я говорю, дублируешь жестами Василисе, если она уйдёт из моей зоны видимости. Тагир — правый фланг первого звена, щит вперёд, твоя задача — не удар, моя защита. Аким — замыкающий первого звена, считаешь шаги вслух каждые двадцать, я сверяю с Катей. Руслан, Яна — фланги второго. Тони...

— Красота, да? — Тони поправил пику на плече и выставил подбородок, ожидая назначения.

— Тони — со мной в первой паре. Потому что ты единственный, кто одинаково глумится и над врагом, и надо мной, а мне нужен человек, который не замолчит, когда страшно. Молчащие в таких местах начинают делать глупости про себя.

— Лестно и обидно одновременно, — Тони шагнул ко мне, заняв место в паре. — Принял.

Мы подошли к кромке. И тут началось первое человеческое сопротивление дня — не от врага, от своих, что типично.

Борис стоял у серого валуна у самой полосы и крутил в руках конец верёвки. Потом посмотрел на валун, на верёвку, обратно на валун. И сказал:

— Нет.

— Уточни, — остановился возле него, оставив людям ме-

сто у кромки.

— Опора трухлявая. Я не вяжу спасательную нить к камню, который рассыпется от первого же рывка. Вот здесь — он постучал костяшками, звук вышел гулкий, дуплистый, — гниль насквозь. Если кого-то изнутри дёрнет, я не удержу и якорь не удержит.

— Тони, — повернулся к напарнику, — у тебя мнение есть?

— Есть, — сказал Тони. — Мнение такое: Борис у нас человек, который однажды отказался крепить страховку к бамперу, потому что «бампер крашенный, значит, скрывает коррозию». Бампер потом выдержал «уаз». Но за такой характер Борису — уважение. Борис, ты прав, я тебе это говорю с ненавистью.

— Скажи это верёвке, — Борис пропустил конец между пальцами, проверяя оплётку. — Мне она дороже.

— Вон скальный выступ, — я показал подбородком: в тридцати метрах правее из осыпи торчал тёмный клин породы. — Двойной виток плюс контрольный узел. Нить пойдёт длиннее, но она пойдёт от камня, за который не стыдно.

Борис посмотрел на выступ, потом на меня, потом — с уважением, которое не любил показывать — на Тони.

— Двойной виток так двойной виток. Тони, пойдёшь со мной, поддержишь петлю.

— Я так и знал, что дружба меня доиграет.

Тони передал пику Акиму и принял петлю у Бориса. Тот

сразу отвёл его руку выше: виток должен был лечь за выступ, а не на осыпь под ним.

Пока они мотали, я прошёл вдоль кромки и поставил первые фосфорные отметки — снаружи, правило простое: всё, что внутри, может врать; снаружи пока не врёт ничего. Три мазка на трёх камнях с линии обзора Кати.

— Катя, наружный контроль.

— Вижу три метки. Жду четвертую — тогда скажу, что вы вошли.

Борис проверил якорь на разрыв собственным весом, повесил на конец нити груз-отвес и догнал второе звено. Тони забрал у Акима пику и вернулся ко мне: проверяя хват, провёл большим пальцем по древку. Борис занял своё место: теперь он шёл внутри, как договаривались, — нить сама скажет о нём, если что.

— Василиса, — обернулся я. Она снова пристроилась к первой линии. Расстояние до моего плеча оставила такое, чтобы можно было говорить вполголоса; приказ о второй шеренге помнила прекрасно. — Второе звено не прячется за первым. Но и не выезжает вперёд. Ваша дистанция — двадцать шагов и ни шагом меньше. Если первое звено ляжет, вы не должны лечь вместе с ним — вы должны нас вытащить.

— А если ляжет второе? — Василиса остановила Руслана ладонью, пока он отступал на свою дистанцию.

— Тогда первое отработает как второе. Симметрия, Василиса. Она скучная, но она держит.

— Скучные вещи у тебя всегда самые опасные, — Василиса сделала шаг назад и ещё один, уведя Руслана с собой.
— Яна, держись его края.

Яна подтянула ремень оружия и встала рядом с Русланом. Между звеньями открылся проход; вот теперь расстояние было нашим, а не Василисиным.

Ада стояла чуть сбоку, ловя каждое моё слово губами, и когда я поднял левую ладонь — свой жест «всем: внимание» — она развернула его в два коротких взмаха для второго звена.

— Идём, — сказал я. — Задача на сегодня одна: измерить сто сорок. Перед выездом мы получили один интервал этой кромки: сто сорок секунд по прибору Ады и независимым часам Кати. Один замер у нас уже есть. Теперь проверяем следующий с двух концов: мой секундомер внутри, часы Кати снаружи. Один раз — случайность. Повтор с контролем — знание. Уходим со знанием или не уходим вообще.

— Мотивирует, командир, — сказал Тони. — Особенно «не уходим вообще».

— Стараться будешь — уйдёшь первым.

У самой кромки упёр сложенную пику в камень, поставил четвёртый фосфорный мазок и показал Кате свободную левую ладонь.

— Четвёртую вижу, — отозвалась она. — Вход записан. Подхватил пику. Мы шагнули за кромку.

На том же сером склоне нога уже успевала оторваться от

камня, когда до ушей доходил хруст подошвы. Сделал ещё шаг, прислушался: опять запоздало. От такого сбоя хотелось укоротить шаг, проверить, точно ли ступня попала на землю. Поднял голову. Небо нависало низко, без единого движения; долго смотреть туда было неприятно, и я снова занялся камнями под ногами.

— Двадцать, — ровно сказал за спиной Аким.

— Катя, время?

— С выхода — сорок восемь секунд внешних. Твоих должно быть столько же.

Мой секундомер: сорок пять.

Оставил рацию висеть на ремне у груди, отпустив кнопку левой. Пику упёр комлем в камень и снова взялся за древко. Три секунды расхождения при одинаковом старте. Катя обещала меньше одной, а здесь стрелка уже отставала втрое сильнее. Ещё раз проверил циферблат: сорок пять. С часами что-то происходило внутри поля; по своему ощущению времени я теперь тоже сверяться не рискну. Тагир на правом фланге поймал мой взгляд, я отрицательно качнул головой: не сейчас, считаем.

— Сорок, — сказал Аким.

Впереди легла плоская плита с трещиной, похожей на реку на детской карте. Я остановил звено поднятой рукой, опустил на колено и комлем пики, работая левой и оставив правую в ортезе у груди, выбил на краю трещины свежий скол, белый, с горошину. Оставив пику опираться на край

плиты, достал брусок и мазнул фосфором поперёк скола. Убрал брусок в подсумок и снова взялся за древко.

— Катя, фиксируй: скол плюс мазок, первый замер, отметка «один».

— Отметка «один» записана. Внешнее время — одна минута пятьдесят один с вашего входа.

— Идём. Аким — шаги дальше, каждую двадцатку.

Мы пошли. Камень сменялся камнем, склон тянул вверх, и на счёт «шестьдесят» я увидел её снова.

Плиту. Треснутую, с рекой на детской карте. И на трещине — свежий белый скол с горошину. И поперёк скола — мой мазок, бледно-зелёный, ещё живой.

Мой. Сегодняшний. Который я поставил на отметке «один» — и который должен был остаться позади, в двадцати шагах позади, а лежал передо мной.

— Тони, — тихо. — Плита с трещиной. Что видишь?

— Вижу один скол, один мазок и одну большую неувязку. Мы эту плиту уже проходили, командир. Я шаги не считаю, я считаю камни. Этот — номер один с половиной, он же первый. Он же, чёрт возьми, сейчас — шестидесятый.

Присел и потёр мазок большим пальцем левой руки. Фосфор размазался; на коже осталась жирная зелёная полоса, пришлось вытереть палец о штанину, прежде чем снова взять древко. Скол был настоящий. Петляло не место. Петляло время — или то, что мы в нём шли.

— Катя. Между отметкой «один» и повтором — сколько

у тебя снаружи?

Пока ждал ответа, упёр пику в склон и поднял запястье к глазам. В рации коротко щёлкнуло. Катя произнесла цифры раздельно; каждую успел сверить со стрелкой:

— Сто сорок секунд. Между твоим первым мазком и тем, как ты сейчас потёр второй. Ровно сто сорок, Дима. Сверила по обоим часам.

Мой секундомер на повторе отстал от её часов уже на одиннадцать секунд. Теперь приходилось поправлять свой счёт по Катиному голосу. Внутри время шло иначе. Запомнил её отметку — сто сорок — и опустил запястье, оставляя внешний счёт ей.

— Записано всем, — сказал я вслух, для десятка. — Это место дышит циклами. Сто сорок секунд снаружи — и оно выкладывает перед тобой то, что ты уже прошёл. Это не ловушка. Это расписание. А расписание — это уже не сила места. Это его привычка. Привычку можно обыграть.

— Мотивирует, командир, — Тони проверил носком камень у плиты, прежде чем перенести на него вес. — А что происходит на следующем круге?

— Сегодня и узнаем. Борис — нить?

— Узлы идут ровно, тяга в норме, — голос Бориса пришёл приглушённо, но твёрдо. — Восемь фосфорных узлов прошло через мои руки. Все восемь на месте.

Обернулся вдоль верёвки. Борис пропускал узлы через ладонь; за ним нить уходила вниз по склону, лежала без колец,

без перехлёстов. Назад мы по ней ещё не возвращались. Пока сходилась одно: камень впереди повторился, а лишнего узла у Бориса в руках не появилось.

А потом я почувствовал это раньше, чем увидел: вибрацию в подошвах, глубокую, размеренную, как чужое сердце под полом. Страж.

Он вышел из-за гряды слева — сегментированный, старый, похожий на тех, кого в первой жизни я называл «щитоносцами»: туловище из выросших друг на друга пластин, передний сегмент вытянут в широкий щит, за щитом — жерло, из которого росла пика. Пика старого образца: длинная, тёмная, с зазубриной у острия, каких в моё время уже почти не делали. Он шёл на нас ровным боевым шагом, и скорость у него была та самая, скучная и страшная: не быстрая — неотвратимая.

— Звено — рассып! Ада — «веер»!

Ада развернула жест, второе звено отошло на свою двадчатку, Тагир взял правее с щитом наперевес, Тони — за мою левую, как договаривались. Пику я раскрыл одной левой — три секции, цепь выбрала слабину, и знакомый вес лёг в ладонь. Правая рука висела в полуортезе. На повороте ремень врезался в плечо; прижал локоть к боку, чтобы кисть не болталась. Два пальца по-прежнему онемевшие: правой здесь только опираться, держать оружие ею нельзя. Всё боевое — слева. Двенадцать лет я учил левшу в себе, и левша во мне теперь был старше правши.

Страж вышел на дистанцию и ударил.

Первый выпад знал наизусть — верхний, наискось, с проносом за щитом. Подставь под него древко, и одной левой уже не удержишь. Шагнул под его линию и сам бросил короткий верхний ложный — не в него, в край щита, чтобы глаз стража схватил «атаку сверху» и щит пошёл вверх. Так и вышло: пластина дёрнулась, прикрыла голову, брюхо открылось на треть дыхания. Пика Тони оттуда, из-под щита, чиркнула по нижней связке — не достала, связка была прикрыта сегментом-лапой. Пусть пока ударился в сегмент — страж поднял щит именно там, где я рассчитывал. Отступая, успел улыбнуться Тони: теперь мы оба знали, куда смотреть на следующем заходе.

— Видел? — крикнул я, уходя перекатом от ответного.

— Видел! — Тони звучал почти весело. — Он повёлся как новичок!

— Не повёлся, — сказал я. — Запомнил. Смотри.

Мы зашли снова, тот же рисунок: я перед левым краем его щита, Тони справа-снизу, на полшага дальше от острия. Я дал тот же верхний ложный — ту же линию, тот же темп, честную копию. И страж не повёлся. Щит даже не дрогнул вверх; вместо этого лапа-сегмент метнулась точно в мою ложную линию, заранее, на опережение, туда, где моей пики ещё не было.

Он не отбил удар. Он отбил воспоминание об ударе.

— Вот это уже не новичок, — выдохнул Тони, отскакивая.

— Это память, — отступил за край щита Тагира и наконец выдохнул. От азарта хотелось сразу повторить заход; заставил себя дожидаться, пока Тони встанет рядом. — Он увидел первый заход один раз — и уже строит ответ. Ему не нужна инструкция, он сам себе инструкция. Значит, и мы не будем ждать инструкций.

После одного показа лапа уже встречала мою пику заранее. Пришлось придержать замах, чтобы самому не нанизаться на этот ответ. Верхний ложный в чистом виде больше не работает. Значит, я сам, своей волей, скормлю ему ложную линию — безопасную, отрепетированную, такую, которую мне не жалко отдать навсегда. Пусть запоминает верхнюю линию. Пока он ищет её, мы с Тони успеем рассмотреть, что происходит под щитом.

— Шёпотом, все: отличия от стражей этого типа, которых я вам показывал на записях. Что не такое?

— Пика длиннее, — сразу сказал Тагир. — На локоть. И работает он ею только левой. Правая лапа в захватах не участвует, я дважды подставлялся под правую — не берёт.

— Не может или бережёт?

— Бережёт, — сказала снизу, от второго звена, Василиса. — Как ортез у тебя, командир. У него что-то под правой пластиной. Он её держит.

— Принял. Инга!

— Здесь! — Инга уже стояла на колене над Яной: ту зацепило краем ответного проноса, рассечение на предплечье,

кровь была, но неглубоко. Инга чинила и говорила, не выпадая из боя. После каждого витка бинта она поднимала взгляд к стражу и снова склонялась над предплечьем. Яна придерживала край повязки здоровой рукой, чтобы Инга могла затянуть её без рывка. Второе звено прикрыло их: Руслан встал слева, Борис — вперёд, проверяя нить на оттяжку, чтобы рывок Яны не сдёрнул якорь.

И я начал давать стражу урок.

Первый ложный заход: верхний, та же жертва, но с укороченным шагом — полшага не дойти. Щит пошёл вверх вслед за остриём: укороченный шаг оставил мне время уйти из-под ответной лапы. Брюхо открылось на треть дыхания. Тони снова чиркнул, снова в связку — снова сегмент прикрыл. Не достали. Но я увидел то, за что готов был отдать обе безрезультатные атаки: при верхнем защитном движении у него открывается не всё брюхо — а нижняя связка, одна, конкретная, на полпальца ниже той, куда бил Тони. Держится она на тонком сегменте, и когда щит вверх — сегмент растягивается и белеет, как старый рубец на солнце. Я знал, как выглядят такие швы. Двенадцать лет носил их на правой руке.

Второй заход: тот же рисунок, на полвздоха медленнее. Страж уже почти не повёлся — только наклон щита, микроскопический, проверочный. Удерживая щит под наклоном, он ждал продолжения. Я задержал выпад на полвздоха — и пластина качнулась следом. Уже можно было задавать ему темп, но подходить ближе пока рано.

Третий заход — тот же рисунок третий раз подряд. И вот тут страж повёлся целиком, доверившись собственной памяти: щит вверх, лапа вперёд, весь корпус — в мою ложную линию, в ту самую, которую я три раза честно показывал и три раза уводил.

Нижняя связка побелела по всей длине. Снизу теперь различал и место входа, и узкий зазор между лапой и пластиной. Ещё один шаг, и дотянусь. Левая напряглась на древке; вовремя удержал её, потому что ответный пронос уже раскручивался. За эти три захода и без удара едва сохранили щит. За белой связкой потянулась тень его пики: ответный пронос шёл — не в мою реальную позицию, в запасную, туда, куда меня должна была занести инерция ложного ухода. Он бил на выученную память, и попади — разговор был бы короткий.

— Тагир!

Тагир подставил щит низко, перекрыв дугу проноса. Острие стража скользнуло по краю; от звона заложило уши. Тони выскочил из-под него первым, я — следом, пока Тагир удерживал щит. Звено отступило на два шага и встало. По краю щита осталась борозда в палец глубиной.

— Отходим на метку! — сказал я. — Не бегом — шагом. Он не преследует — он пересматривает.

Страж действительно не преследовал. Он стоял у гряды и поворачивал щит вслед за нами. Между пластинами медленно менялись зазоры; туда и обратно, без нового выпада.

Я всё равно отходил лицом к нему, пока Тони следил за камнями под ногами.

Мы дошли до плиты с трещиной — до безопасной метки, до моего фосфорного мазка — и встали. Пика осталась при мне, в левой, в три секции, цепь натянута. На древке налипла каменная пыль; большой палец скользил по ней, пока я вспоминал белую связку и угол последнего захода. Придётся бить снизу, точно под лапу. Произнёс негромко, больше себе:

— Окно записано. Сегодня мне нужна была не его смерть. Сегодня мне нужно было знать, где у него открывается. Знаю.

— А смерть? — спросил Тони.

— Смерть — это следующий заход, — сказал я. — С холодной головой и со свежими глазами. Заход, за который плачу я, а не вы.

И тогда место ответило.

Не стражем. Страж так и стоял у гряды, пересматривая. Ответило само поле: у последней метки, шагах в тридцати, воздух дрогнул, как дрожит вода над камнем, и в этой дрожи проступил контур. Василиса. Вторая — полупрозрачная, повторяющая её стойку до мелочи: разворот плеч, рука у под-сумка.

Василиса стояла рядом со мной — я слышал её дыхание за левым плечом.

— Командир, — сказала она обычным своим голосом. —

Я тут. Это не я.

— Вижу, — сказал я. — Тони, правый фланг — чужое?

— Чужое, — сказал Тони без обычной ухмылки. — Оно дышит не в такт. Оно вообще почти не дышит.

Двойник не нападал. Он стоял и смотрел — на меня, потом на стража, потом на нить, уходящую назад, к кромке. И я понял, куда он смотрит: на мои фосфорные отметки. На линию возврата.

— Всем стоять, — сказал я. — Я проверяю метку.

Пошёл к ней сам, проверяя ногой камень перед каждым шагом. За спиной притихли даже Тони с Борисом. Возле мазка присел, положил пикку рядом и протянул левую руку; правая осталась прижатой ортезом к груди.

Моя рука прошла сквозь камень.

Под пальцами оставался только воздух. Мазок просвечивал сквозь ладонь; я провёл ею выше, ниже и снова туда, где должен был упереться в камень. Видел каждый скол, а нащупать ничего не мог. Отдёрнул руку и сжал пальцы, проверяя, слушаются ли. Между нами и меткой проходила тонкая граница: за ней лежал такой же склон, до которого моя ладонь не доставала.

— Катя, фиксируй: контакт с меткой невозможен, рука проходит насквозь. Между мной и меткой — разрыв. Вижу метку, коснуться не могу. Как слышишь?

— Слышу чисто, — голос Кати был ровным. — Снаружи всё по-старому: ваши отметки связи, нить Бориса жива,

кромка спокойна. Что у тебя — не вижу. Фиксирую со слов.

И тогда Василиса — настоящая, моя — пошла к разрыву. Я видел её решение по походке раньше, чем она его произнесла, и окликнул — и она всё равно дошла, потому что остановить её словом было всё равно что остановить словом кромку. Она дошла до самой линии, где камень ещё был камнем, присела — и я понял, что она делает: она не тянулась ко мне. Она тянулась к метке со своей стороны, с той, где я проверить не мог.

— Василиса. Назад.

— Рука человека должна оставить след, — сказала она. — Если не твоя — моя.

Она провела фосфорный мазок — по своему камню, по своей стороне разрыва. Зелёный след лёг. Остался. Светился. А потом дрожь вокруг неё уплотнилась, контур у последней метки качнулся ей навстречу — и Василиса исчезла. Не упала, не вскрикнула — исчезла, как исчезает отражение, когда в воду падает камень. Реальная — с нашей стороны. Двойник — со своей. Обмен. Место просто поменяло их местами, буднично, как меняют книгу на полке.

— **ВАСИЛИСА!**

Подхватил пику, добежал до разрыва и поставил её колем между ботинками. Потянулся левой — пальцы снова прошли сквозь камень, сквозь метку, сквозь воздух, где должна была быть она. Я видел её. Она стояла там, за волосом разрыва, в соседнем повторе этого же склона — живая,

целая, с брусом в руке. Она видела меня. Её губы шевельнулись, но до меня дошёл только хруст камня под собственной подошвой. Василиса подняла левую руку — и я прочитал жест, наш, полевой, отработанный: «жива, на позиции, держу связь».

А потом она опустилась на колено у своей метки и стала рисовать. Фосфором, медленно, крупно, на плоскости камня, повернутой ко мне: полоса. Полоса и рядом — короткая. Длинный и короткий мазок. Потом ещё раз: длинный и короткий.

Не сигнал бедствия. Сигнал счёта. Она мерила. Она стояла внутри соседнего повтора — и считала его цикл, длинный мазок за начало, короткий за подтверждение, и я готов был поклясться, что между парами у неё ложились те самые сто сорок секунд.

Она не потерялась. Она работала.

Глава 2

— Катя, — сказал я в канал, и голос у меня был тише, чем я хотел. — Фиксируй: Василиса по ту сторону разрыва, живая, на ногах, подаёт условные знаки. Ведёт счёт повторов. Нас здесь девять плюс она там — десять живых. Учти в обходном листе.

— Записала, — сказала Катя. И после паузы: — Дима. Ты это говоришь спокойно. Продолжай говорить спокойно.

— Продолжаю, — сказал я.

Смотрел на её зелёные пары мазков за разрывом. Василиса каждый раз выпрямлялась, искала меня глазами и снова склонялась к камню. От этого ровного счёта удавалось думать: она ещё держит позицию, у меня ещё есть время. В памяти сверял три захода на стража. Щит вверх, белая связка снизу, правая пластина закрыта. Нужно добраться под неё и проверить, что он там бережёт. Если это держит разрыв, у нас появится способ вернуть Василису. Наконец отвёл взгляд от Василисы — к гряде, где стоял страж.

— Всем слушать, — сказал я, и стоявшие рядом повернулись ко мне; Аде я показал лицо. — Василиса держит позицию — по ту сторону, как держала бы по эту. Никто за разрыв не идёт, никого я туда терять не буду — её оттуда берут не руками, её оттуда берут, сняв то, что это место держит. Страж, — я кивнул на гряду, где пластины всё ещё медлен-

но перетекали, — у него под правой пластиной что-то, что он бережёт, как я берегу руку. У него есть связка, которая белеет, когда щит вверх. У него есть память, которую я уже кормил и ещё покормлю. И у нас есть сто сорок секунд — расписание, по которому это место живёт.

Чуть ослабил левый хват, разминая большой палец. Древко осталось в ладони; острие по-прежнему смотрело к гряде.

— Тони, Тагир — со мной. Второе звено — на метке, держите разрыв в глазах и Василису в глазах. Начинаем последний заход сегодня. Не потому что «потом вернёмся». Потому что возвращаться будет некуда: окно у стража и разрыв у метки живут в одном расписании, и я хочу успеть к обоим, пока они открыты.

Страж за грядой перестал перетекать. Он развернулся в нашу сторону всем корпусом — медленно, с достоинством вещи, которая тоже успела подумать.

За разрывом поднялась ещё одна зелёная пара: длинный мазок, короткий мазок. Василиса видела нас. Василиса работала.

Я собирался работать тоже.

Перед последним заходом проверил людей. Тагир уже успел поднять щит, Яна держала перевязанную руку у груди. Так идти на следующий удар нельзя; сперва пусть выдохнут и поедят.

— Пятиминутка быта, — сказал я. — Кто не жрал — жрёт. Кто не пил — пьёт. Инга, Яна — ко мне, на плиту. Бо-

рис — нить и узлы, полный отчёт. Всё остальное подождёт пять минут, потому что мёртвые и обессиленные не берут стражей.

Тони немедленно уселся на камень и достал припасы с видом человека, который устроил себе обеденный перерыв в чужом кошмаре. Тагир прислонил щит к валуну, провёл пальцами по борозде — глубиной в палец, полученной в нынешнем заходе, — и молча взял в руки сухарь. Ада встала так, чтобы видеть и меня, и второе звено сразу, — её личная геометрия, отработанная годами: глухому в строю нужен угол обзора, а не место в шеренге.

Яна подошла с Ингой. Предплечье было перевязано чисто, туго, узел сидел сбоку, не под кистью — Инга вязала умно. Но Яна держала руку подтянутой к груди, и я видел, что её злит не боль. Её злит, что она теперь «раненая».

— Садись, — указал левой на свободный край плиты. — Инга, огласи.

— Разрез неглубокий, края ровные, повязка чистая, — отчеканила Инга. — Кровь остановлена. Мышца не задета, сухожилие целое. Рабочая кисть — правая, у неё ранено левое предплечье, то есть стрелять она может. Проблема одна: рывок.

— Какой рывок, — Яна опустилась на плиту, придерживая раненую руку здоровой. — Я стреляла с худшим.

— С худшим — не стреляла, — сказала Инга, не повышая голоса. Придержала Яну за локоть, когда та попыталась по-

казать свой хват. Яна дёрнула плечом, но руку оставила на месте. — Разрез поперёк предплечья. Любое резкое разгибание — отдача, дёрг, испуг — края разреза расходятся. Ты не умрёшь, но ты выйдешь из строя на неделю, а у нас тут на неделю никто не выходит, тут на неделю остаются. Значит правило: стреляешь только без рывка. Плавный спуск, плавное дыхание, плавная голова. Плавно — это не медленно, это без испуга.

— Покажи ей, как это выглядит, — сказал я.

Инга взяла Янину руку — левую, раненую — и положила себе на ладонь.

— Смотри. Ты цедишь спуск, как цедишь воду из полного горла бутылки. Не капля за каплей — струёй, но ровно. Рука при этом вот здесь, — она слегка придержала предплечье сверху, — поддерживается вот этим хватом. Повязку не тянешь, предплечье не выворачиваешь. Дёрнешь — опять пойдёт кровь. Держишь спокойно — края разреза остаются вместе.

Яна осторожно согнула пальцы на Ингиной ладони. Под повязкой натянулась кожа; она остановилась, ослабила хват и попробовала ещё раз, уже медленнее.

— Дистанцию выберу сама, — сказала она.

— Нет, — сказал я, и она вскинула на меня глаза, и я договорил: — Дистанцию выберешь сама — из тех, что я называю. Ближе тридцати шагов страж тебя достаёт проносом за полтора темпа. Дальше шестидесяти твой болт по пластинам

— щекотка. Значит твой коридор от тридцати до шестидесяти, и внутри него — командуй. Где тебе спокойнее?

Она посмотрела на гряды, на стража — тот стоял, полуповорнувшись, пластины перетекали медленно, он всё ещё переваривал свой позор с ложной линией. Потом на свою руку. Потом сказала:

— Сорок пять. Отметка по борозде на щите Тагира — я её вижу, у неё ровная кромка. Стрельну по кромке наведения, если он вскинет щит.

— Принято, — сказал я. — Сорок пять — твоя. Инга, рядом с ней, оттяжка при выстреле — твоя. Руслан — их левый край.

Руслан кивнул коротко. Он вообще был из тех, кто за день говорит меньше, чем Тони за перекур, но его фланг за весь день не дрогнул ни на шаг, и я ценил это дороже остроумия.

А у Бориса уже шёл спор. Разумеется, с Тони.

— Я говорю: узлы на оттяжке надо перекинуть через плечевой виток, — Борис стоял над размотанной нитью, и пальцы его перебирали фосфорные узлы, как чётки. — Сейчас нить лежит по старой линии. Если сброс придёт с той же стороны, что в первый раз, оттяжка ляжет на камень и узлы уйдут под кромку. Я их потеряю.

— Борис, — Тони даже жевать перестал. — Нить лежит. Узлы на месте. Восемь штук, я сам видел. Твоя нить — единственная честная вещь в этом вранье вокруг, и ты собираешься её перевязывать посреди поля, потому что тебе не нра-

вится, как она ляжет гипотетически.

— Не гипотетически. Расчётно.

— Вот! — Тони ткнул сухарём в его сторону. — Он говорит «расчётно». Катя, ты слышишь? Он будет перевязывать якорь по расчёту, когда в тридцати шагах стоит вещь с пикой, которая учится быстрее нас всех.

— Слышу, — ровно отозвалась Катя из рации. — И фиксирую позицию Бориса как обоснованную.

— Спасибо, Катя, — сказал Борис.

— Но, — добавила Катя, — перевязку — после доклада Димы о решающем заходе. Порядок операций, Борис. Сначала враг, потом гипотезы.

Борис засопел, но кивнул. Я поймал его взгляд и сказал негромко, одному ему:

— Ты прав, что видишь риск. Он прав, что видит момент. Сделаете вместе, после. Тони — руки, Борис — голова. Разойдётесь по ролям — сделаете в два раза быстрее, чем каждый в одиночку.

— Так всегда, — вздохнул Тони. — Эксплуатация дружбы продолжается.

А я уже не слушал. Я стоял у разрыва.

Василиса была там — живая, зелёные пары мазков светились на её камне ровно, и по ним я мог сверять её цикл, как по маяку. Она работала безостановочно: длинный мазок — начало, короткий — подтверждение, пауза, снова пара. Поднял запястье с секундомером и поймал две её пары подряд.

Пришлось держать его рядом с лицом, чтобы смотреть и на циферблат, и на Василисин камень.

— Катя. Между василисиными парами — сто тридцать девять, потом сто сорок. Сверх с собой.

Пауза. Потом:

— Сверила. У меня сто сорок и сто сорок. У неё чуть плачет внутри. Дима, она там чуть быстрее нас.

Быстрее. Или её повтор был короче. Числа пришлось повторить про себя: сто тридцать девять, сто сорок. Слишком маленькая разница, чтобы судить о ней по моим часам. Поднял левую ладонь к Василисе и окликнул её, забыв, что она меня не слышит:

— Василиса!

Она не слышала — звук через разрыв не шёл, мы это проверили ещё утром. Но она видела. Она подняла лицо к моему жесту, потом ткнула пальцем себе под ноги, в камень, и начала рисовать быстро, крупно, поворотом корпуса так, чтобы я читал каждую черту.

Сначала — страж. Грубо, узнаваемо: сегменты, щит, пика. Потом она нарисовала щит крупнее и из-под него — стрелу вниз, в брюхо. Потом сложила пальцы и показала: раз, ещё раз, третий — и на третий раз прижала ладонь плоско к камню: полный. Открылся.

Три захода. У её стража — у её копии нашего стража, в её повторе — окно открывалось на третий повтор одного рисунка. Полностью.

Потом она потёрла свободный край камня и принялась писать цифры. Пришлось податься вперёд: фосфорный след с этой стороны был бледнее, а Василиса торопилась. Сначала — двести двадцать. Потом — двести. Цифры она вывела над старыми парами мазков, после чего указала на свежую: сто сорок. Потом начертила линию, перечеркнула её, начертила короче. Перечеркнула. Ещё короче.

— Катя, я читаю: её циклы укорачиваются. Было двести двадцать, потом двести, сейчас сто сорок. Она показывает: будет ещё короче.

— У нас — сто сорок стабильно, все девять отметок, — сказала Катя. — Если у неё сжимается, а у нас пока нет...

— Значит либо её сторону тянет первой, либо наша за ней следом, — закончил я. — Спасибо, Василиса!

Она не слышала «спасибо». Но она увидела мою левую ладонь, поднятую и повернутую — «принял, данные получил». И тогда она сделала последнее: показала на стража — своего, за спиной, в её повторе, я не мог его видеть отсюда — потом на меня, потом сжала кулак. «Бери». Она мерила соседний повтор и приказывала мне брать нашего. Даже отсюда, даже через волос разрыва, она оставалась вторым командиром, которому не нужны слова.

Вернулся к людям и пересчитал, пока они собирались у плиты. Девять. На месте Василисы остался проход, никто его не занял. Встал так, чтобы за Адиным плечом по-прежнему видеть её зелёные метки.

— Доклад решающего захода, — сказал я. — Ада — лицо мне, работаешь на второе звено. Слушайте целиком, перебьёте — начну сначала.

И я выложил им то, что складывалось у меня в голове с первых ложных заходов.

— Мы считали это место часами. Секундомеры, пары секунд, расхождение одиннадцать. Это работало — и этого больше недостаточно: Катя держит внешний счёт, мой секундомер внутри уже отстаёт, а страж отвечает на сбросы самого поля. Сегодня я понял штуку проще и злее. — Уперев пику в край плиты, достал брусок фосфора и поднял его в левой. — Место сбрасывает. Петляет. И каждый его сброс отражается на том, что через него прошло. — Я кивнул на нить Бориса. — Борь. Когда был первый повтор плиты — что ты почувствовал в нити?

Борис ответил не сразу. Он перебирал в памяти узлы, я видел это по пальцам.

— Рывок, — сказал он наконец. — Мягкий. Как будто нить на секунду стала короче и тут же отпустила. Я тогда решил — камень подвинулся.

— Камень не двигался. Нить отражала сброс. Место дышит — нить чувствует дыхание. — Я повернулся ко всем. — Значит, мне больше не нужно ловить сброс секундомером. Мне нужно чувствовать его через нить. Борис — ты и Тони, у якорного конца. Тони держит, ты читаешь. Каждый сброс — ты орешь «хлоп» в канал. Не когда вспомнишь — сразу.

Это будет мой метроном. Страж пересматривает свои ответы не по часам — по сбросам. И я зайду не «через сто сорок секунд», я зайду между двумя хлопками, когда его пластины в середине перетока и он максимально глух к нюансам.

— То есть мы теперь живой будильник, — сказал Тони.

— Ладно. Но учти, командир: орать я буду художественно.

— Ори как хочешь, главное — сразу.

— А теперь главное, — сказал я, и все стихли сами. —

Смотрите на пику.

Убрал брусок в подсумок, положил пику на плиту поперёк и левой раскрыл замковое кольцо на верхней секции — того самого старого образца, секции у неё шли с натугой, я её смазывал ещё в городе, — и, придержав древко коленом и неподвижной правой, уложенной сверху просто весом, вынул наконечную секцию целиком. Остриё с зазубриной — знакомой, старорежимной, как у пики стража. Целый локоть стали.

— Аким.

Аким молча протянул руку. Я вложил секцию ему в ладонь.

— Держишь. Как держал бы мой пульс. Когда я подам левую руку вот так — — я показал, ладонь ковшом, — вкладываешь мне её рукоятью вперёд, в саму ладонь, точно, без поправок. Правая у меня не берёт. Всё переснаряжение — одна левая, и это не проблема. Это план.

— Пустым древком? — Тагир опустил взгляд на освобож-

дѣнное гнездо, затем посмотрел на секцию в руке Акима. Щит держал рядом: и здесь ждал нового выпада.

— Пустым древком, — сказал я. — Страж уже знает мою пику: локоть наконечника, зазубрина, верхняя линия. Он знает её вес и её длину, он по ним строил ответы. Я дам ему верхнюю линию пустым древком — тем же рисунком, что кормил трижды, той же жертвой. Он узнает атаку — узнает по линии, по темпу, по моей левой. Он вскрыется на ответ, как вскрывался у Василисы на третий раз. А когда он вскроется, у меня в левой будет не древко. У меня в левой будет отдельное остриё. В таком хвате он его ни разу не видел: весь этот заход оно будет лежать в руке у Акима. Он обучен тому, чего уже не существует. Я беру его на обучении.

Тони три секунды переводил взгляд с наконечника на пустое древко. Потом перестал жевать и кивнул:

— Жестоко, командир. Мне нравится.

— Ада, — я повернулся к ней лицом. — Повтори второму звену.

Ада развернула двумя взмахами: древко — отдельно, остриё — отдельно, ладонь ковшом. Василисина школа, моя школа — жесты ложились точно, второе звено кивало.

— Порядок захода, — сказал я. — Я иду первым и один. Тагир и Руслан — страховка щитами, по моему «сброс» — закрываете меня, если он достал. Тони — с Борисом на нити, метроном. Яна — сорок пять шагов, по кромке борозды, работает только если его щит ушёл вверх и держится долъ-

ше темпа. Инга — за Яной. Аким — в трёх шагах за моей спиной, слева, в моей мёртвой для стража зоне. Ада — эхо. Вопросы.

— Один, — сказал Тагир. — Если не вскрыется с первого?

— Вскроется не с первого, — сказал я. — Он упрямее, чем его обучение. Первый заход он съест и не откроется — он будет проверять, тот ли я дурак, за которого себя выдаю. Я это знаю, и я готов платить за это второй раз тем же рисунком. И третьим, если надо. Я не ищу удар с первой попытки. Я ищу удар с последней, где он уже уверен, что раскусил меня до конца. Когда решит, что мой следующий шаг ему известен, вложится в ответ до конца. Мне как раз нужен этот полный пронос.

— Хлоп! — неожиданно гаркнул Тони.

Несколько человек возле плиты подпрыгнули. Ада, прочитав «хлоп» по губам Тони, резко обернулась к нити.

— Что? — невинно сказал Тони. — Тренировка сигнала. Кстати, командир, настоящий был только что. Борис, подтверди.

— Подтверждаю, — сказал Борис, и в его голосе было то, что у Бориса заменяло удивление. — Сброс. Мягкий, через нить. Ты почувствовал?

— Почувствовал, — сказал я — и это была правда. Нить дёрнулась, я увидел, как фосфорные узлы на миг вспыхнули ярче, будто по ним пустили ток. Место дышало, и дыхание его было теперь у нас в руках, со звуком, в канале.

— Тогда работаем, — сказал я. — Все по местам. Василиса там тоже работает — не подведите её.

Я шёл на стража пустым древком, и это было похоже на то, как идти на медведя с палкой от швабры — если бы палка от швабры уже трижды сегодня чуть не стоила тебе руки. Древко без наконечника лежало в левой руке на добрый локоть, и я заставлял себя не компенсировать вес, не удлинять замах, держать старый темп, старую амплитуду. Страж не должен был заметить разницы. От более лёгкого древка плечо так и просилось подняться выше; приходилось удерживать его в прежней линии. Наконечник у Акима за спиной будет ждать до самого раскрытия связки.

Аким держался в трёх шагах слева за спиной. На повороте его тень мелькнула возле моей ноги. Ни звона секции, ни тяжёлого шага: так и договаривались, страж должен следить за мной, а не за ним.

Страж увидел меня на дистанции и развернулся. Пластины пошли перетоком — медленно, тяжело, думающие пластины. Он помнил. Он очень хорошо помнил.

— Хлоп! — крикнул Тони.

Сброс. Я держал темп.

Первый заход я дал ему чистую копию: верхняя линия, укороченный шаг, полшага не дойти, честная жертва. Древко пошло по той же дуге, где трижды ходило остриё.

И он не вскрылся.

Щит дрогнул — на волос, на проверку — и остался внизу.

Лапа-сегмент не метнулась. Он просто стоял за своим щитом и смотрел сквозь мою атаку, как смотрит экзаменатор на ученика, который списывает у самого себя. Пика его шла мне в контр — не в запасную позицию, не в память, в живую, в текущую, в то место, где я действительно был.

— Сброс! — рявкнул я и ушёл влево-вниз, и в тот же миг створка Тагирова щита ударила мне за спину, и пронос стража лёг в неё с сухим злым звоном.

Перекатился через левое плечо, прижав правую к груди, и встал. Пустое древко осталось в левой; пальцы свело вокруг него, прежде чем удалось ослабить хват.

— Хлоп! — донеслось с нити.

— Он не купил! — крикнул Тони. — Командир, он тебя не купил вообще!

— Купил, — сказал я, восстанавливая дыхание. — Он купил главное. Он купил, что я всё ещё тот дурак с той же атакой. Он просто решил не платить за вскрытие сразу. Он решил подождать, проверяет на прочность мою глупость. — Я сплюнул. — Терпеливый. Хорошо. Я тоже.

Второй заход — на следующем хлопке, я вошёл в темп между сбросами, когда его пластины плыли. Та же линия, тот же шаг, всё как прежде — но в конце я сделал ошибку. Настоящую, маленькую, дорогую: замах на волос длиннее, чем нужно. Учебная ошибка уставшего человека, который третий раз повторяет не сработавший приём, потому что думает, что бил недостаточно сильно.

Он это видел у людей тысячу раз. Он это ел.

Щит пошёл вверх. Лапа метнулась в мою линию — на опережение, в воспоминание, — и пронос его уже раскручивался, чтобы наказать меня за жадность. Нижняя связка — белая, растянутая, тонкий сегмент на полпальца ниже прежней — открылась.

И я понял: рано. Он открылся на две трети, страхуя лапой, пронос идёт, я не успеваю. Окно было — и окно было с прикрытием.

— Сброс!

Щит Тагира. Звон. Я вылетел из-под него, и в голенище мне ударило каменной крошкой, и где-то справа коротко, отчётливо, без рывка — Яна. Болт чиркнул по кромке наведения и ушёл в щель под щитом, страж дёрнулся всем корпусом, не раненый — оскорблённый.

— Вторая готова! — крикнула Яна, и голос её был злой и счастливый одновременно.

— Не тратить! — крикнул я в ответ. — Ты — мой третий шанс, не его второй!

Второй заход показал, где я поторопился. Страж выдвинул лапу под связку, оставив себе страховку. Я играл его жадность — а надо было играть его гордость, заставить довести ответ без этой защиты. Он вскрылся на две трети и получил болт за жадность. Теперь он знал: мой рисунок — наживка, и он почти гордился тем, что раскусил её. Следующий шаг в его логике был простой и железный: этот человек пойдёт

на тот же рисунок третий раз в отчаянии — и тогда, на пике своей самонадеянности, страж покажет ему полное вскрытие и полную расплату. Не потому что нужно. Потому что он обучен наказывать. После моего лишнего замаха он дошёл пронос почти до конца. Если ещё раз предложить такую ошибку, он может решиться убрать страхующую лапу. Мне останется выждать; под половинное окно больше не полезу.

Третий заход я должен был отдать ему как капитуляцию. Как человека, который всё потерял и пошёл на старое, потому что нового у него нет.

— Хлоп! — Тони.

Между сбросами. Я пошёл.

Всё то же. Верхняя линия, тот же темп, то же древко. Но теперь я нёс в теле проигрыш: плечи на четверть тяжелей, шаг на четверть короче, дыхание слышное. Я был человеком после двух провалов. Я был предсказуем до тошноты.

Он вскрылся полностью.

Щит — вверх, до упора, торжествующе. Лапа — в мою старую линию. Пронос — по всей дуге, в расплату, без страховки, потому что наказывают полной мерой. Нижняя связка — белая, тонкая, растянутая — лежала передо мной голая, как открытая ладонь.

Аким сократил свои три шага, заходя вплотную за моё левое плечо под прикрытием Тагира.

Пустое древко я выпустил по ходу удара — вверх, по старой заученной линии, подальше от связки, и Аким подхва-

тил его на лету. Ладонь освободилась — вся, до костяшек.

Левая рука — ковшом, назад.

Глава 3

И в неё, точный, холодный, рукоятью вперёд, лёг локоть стали из руки Акима.

Страж бил в человека с пустым древком и старой ошибкой. А под его связкой снизу, из-под его трижды обученной памяти, уже шло остриё, которого он никогда не видел, — короткий, страшный, на всю левую, снизу, в раскрытие.

Звук был такой, будто лопнул лёд на реке.

Пика моя вошла в нижнюю связку, разорвала тонкий сегмент и ушла вверх, в глубину, под правую пластину — туда, куда он всю жизнь прятал то, что берёг. Та самая пластина, которую он держал, как я держу руку. Зазубрина сделала своё старорежимное дело: вышла с мясом.

Наконечную секцию я вывел из связки обратным рывком и передал в свободную руку Акима. Он держал древко другой; вся сталь осталась у него. Моя левая освободилась.

Пронос его — расплатный, полный — всё-таки дошёл. Упрямство у этой твари было не в пластинах, упрямство было в самом корне её: даже с пробитой связкой, даже падая, она доворачивала удар по выученной памяти. Я знал, что так будет, — и заученный ответ ждал наготове: шаг влево-вниз, колено в камень, пустая уже рука — и Тагиров щит над моей головой, и пронос ударил не в меня, в борозду, в старую борозду, углубив её на палец.

Страж рухнул на бок. Пластины перетекали последний раз — медленно, беспорядочно, как последние слова человека, который забыл язык.

— Жив! — крикнул я. — Жив ещё! Тагир, Руслан — фиксация щитами, разворот брюхом кверху, на счёт! Инга — ко мне! Не для меня — за инструментом стой!

Инга опустилась на колени рядом с тушей, но свёрток подтянула со стороны моего свободного плеча. До подрагивающей пластины оставался локоть.

— Ближе пока нельзя?

— Пока держат щиты. Рулон сюда, рукоятями ко мне.

Тварь ещё ворочалась под железом, а у нас уже лежали наготове чехол и инструменты. Извлекать придётся сейчас; ждать её последнего вдоха поле нам не даст.

Тагир и Руслан взяли тушу щитами с двух сторон и опрокинули, как опрокидывают плиту: раз, два — пошла. Щиты легли на пластины стационарно, борозда к борозде, две глухие крышки. Яна с Ингой уже разворачивали инструментальный свёрток; Яна держала раскрытый рулон двумя руками — правой и догруженной левой, без рывка, ровно, как учили, — и при каждом толчке туши Яна подавалась всем корпусом, сберегая предплечье. Края рулона оставались на одном уровне. Хорошо запомнила Ингу. Такой можно доверить дело и тогда, когда самому уже нечем держать.

Зазубрина вывернула край правой пластины стража наружу. Пришлось наклониться под неё: в глубине, на расстоя-

нии локтя от края, лежало то, что он берёг.

Узел. Горячий, тёмно-серый, крупнее кулака, жил — да, жил, я видел, как по нему шли волны, синхронные с переток-ком пластин, — и гасли, гасли, гасли.

— Горячий, — сказал я. — Беру сам. Ада — чехол!

Ада уже разворачивала изолирующий чехол — обычный, армейский, никакой мистики: плотная матерчатая гильза, шнуровка, глухой карман. Она держала его раскрытым и смотрела не на узел — на меня, губы мои она читала и без слов.

Левая рука. Только левая. Я взялся за узел — горячо, глубоко горячо, как берутся за камень у костра, — и потянул ровно, без рывка, по оси, как учат вытаскивать оружие из раны: не выдирать, выводить. Узел шёл туго, сидел в твари на корню, на живом корню — осколки пластин вокруг него ещё сжимались, держали.

— Хлоп! — крикнул Тони с нити.

В момент сброса хватка пластин ослабла, и узел вышел. Левая дёрнулась к груди под неожиданно освободившимся весом; успел удержать добычу над раскрытой гильзой.

Чехол Ады был уже тут. Я опустил узел в гильзу левой, Ада затянула шнуровку — у неё это вышло в два счёта, руки отточенные, — и упакованный, глухой, потяжелевший свёрток лёг в ладони Бориса, который подоспел именно в эту секунду. Он подставил обе ладони снизу, дождался Адиного кивка и только тогда принял вес. Дай ему понятное дело —

обойдётся без споров.

— Принял, — сказал Борис и обхватил свёрток обеими руками, как ребёнка. — Тяжёлый. И он... — он прислушался. — Он тикает.

— Это не тиканье, — сказала Ада. Она говорила редко, голос резкий, поставленный, вибрации она чувствовала телом раньше нас. — Это память. Он помнит повторы. Все, которые тут были. Он их записывал.

Мы все посмотрели на свёрток.

— Эхо-ядро, — сказал я. — Локальная память циклов. Это место жило через него — или через такие, как он. Значит, теперь у нас есть то, чего нет никому: не прибор, не догадка — сама запись. Новый ресурс, ребята. Ядро наше. Будет чем проверить, что это место с нами делало.

— Мотивирует, командир. — Тони поправил нить у ближайшего узла. Говорил тише обычного и всё косился на закрытый чехол.

— Древко — собрать.

Аким прижал длинную секцию к боку и подал мне следующую стыком вперёд. Левой соединил их, провернул замок; он удерживал древко, пока я ставил наконечную. С трёхсекционной пикой можно было снова работать. Цепь выбрала слабину. Зазубрину вытер о лоскут, свисавший с туши: своё железо оставляем при себе.

— Ничего не берём со склада, всё своё носим своё. Нить?

— Нить жива, узлы все, — отозвался Борис со свёртком

в руках. — И, Дима. Хлопы...

— Что хлопы?

Борис молчал секунды две, и это были плохие две секунды.

— Хлопы идут чаще.

Я обернулся к плите с разрывом — и увидел. Зелёные пары Василисы шли-шли — и вдруг легли чаще. Пауза между длинным-коротким сжалась на глазах.

— Катя! Наружные отметки, срочный замер!

— Уже, — голос Кати был по-прежнему ровным, но между цифрами она набирала воздух так, что было слышно в канале. — По моим часовым меткам на камнях у кромки цикл уже короче прежнего. Сто тридцать один. Повторяю замер... сто двадцать шесть. Дима, он падает. Прямо сейчас, у меня на глазах.

Ада стояла с прибором, поднятым к полю, и лицо её было неподвижно и страшно.

— Падает, — подтвердила она голосом. — Сто двадцать два. Сто девятнадцать. Поле сжимается.

Сжимается. До извлечения узла Катя называла сто сорок; теперь Ада успела сбросить ещё три секунды, пока я переводил взгляд с прибора на разрыв. Зелёные пары мелькали всё чаще. Пот на спине остыл под курткой. Мы забрали узел — и сразу потеряли прежний запас времени. Связь слишком явная, чтобы отмахнуться; объяснять её будем, когда Василиса окажется рядом.

— Все ко мне! — сказал я. — Слушать молча. Ядро добыли, своё железо сохранили, все десять живы. И теперь знаем, как брать такую тварь. Но плата уже назначена: поле сжимает цикл. Что это значит практически: наши сто сорок стали меньше и становятся ещё меньше. Петля, в которой мы ходим, — не бесконечное поле. Она сходится. Куда — не знаю. За какое время — посчитаем по Катиным отметкам, по ним одним и будем считать, свои секундомеры внутри больше не аргумент.

Я повернулся к разрыву.

Василиса стояла там, у своей зелёной метки, — живая, целая, и она всё поняла раньше меня, потому что её пары легли теперь не счётом, а сплошной частой чертой: непрерывная сигнализация. Она показала на свою метку, потом на меня, потом сжала две ладони вместе и развела: нить. Тянут.

— Фиксируй, Катя, — сказал я в канал. — Василиса жива, на позиции, её фосфорная метка светится с нашей стороны через разрыв — устойчиво, я вижу её зелёной. Это не рисунок и не мираж. Это реальная нить до живого человека. У нас есть метка, есть сигнал, есть сжимающееся поле. Девять здесь, одна там — десять живых. Пока десять.

— Пока десять, — повторила Катя. — Дима. Сто одиннадцать.

Сто одиннадцать. До снятия ядра было сто сорок.

— Собираемся, — сказал я, и левая рука уже легла на собранную пику, а правая тупо, послушно легла сверху — опо-

ра, только опора. — Тони, Борис — нить и якорь. Тагир, Руслан — щиты, туша остаётся, она своё отдала. Ада — прибор непрерывно, озвучиваешь каждые двадцать. Аким — шаги. Инга — Яна под руки, поддержку раненого предплечья не снимать. Яна — к Инге, дальше идёте рядом. Дистанцию до разрыва задаю я.

— А Василиса? — Яна задержалась у Инги, вытянув шею к разрыву. Остальные уже подхватывали железо, но тоже замедлились, ожидая моего ответа.

Я смотрел сквозь волос разрыва на её зелёный огонёк — единственную честную вещь в поле, которое начинало врать всё быстрее и всё жаднее.

— Василиса — наша, — сказал я. — У неё метка, у нас нить, у поля — расписание, которое мы уже один раз обыграли. Обыграем и второе. Идём.

— Сто девять, — сказала Ада за моей спиной ровным резким голосом.

Петля сжималась. Мы пошли вперёд — все девять по эту сторону и одна, живая, упрямая, с фосфором в руке — по ту.

Метка Василисы то вытягивалась зелёной полоской, то снова собиралась в огонёк. С каждым шагом следил за ней: светится, светится. Только бы дойти, пока она ещё может нам отвечать.

Сто семь.

Ада назвала это число, едва мы остановились у плиты. За короткий переход ушли ещё две секунды цикла. Перевёл ды-

хание и поправил ортез на груди: ремень врезался под мышку, а впереди нужно было тянуть человека. Девять человек стояли у плиты с разрывом, и за волосом разрыва, в чужом повторе, горела зелёным метка Василисы.

Сто четыре.

— Дима, — Катя выдержала паузу, пока Ада договаривала число. Задержал дыхание, вслушиваясь: сейчас важнее услышать Катю, её часы снаружи. — По внешним отметкам падение стабилизировалось в районе девяноста — ста. Но рывками. Оно не падает ровно — оно ступенями. Пропускает.

— Пропускает?

— Пропускает циклы. Я вижу это по трём фосфорным меткам на камнях у кромки: они вспыхивают не каждая. Одна — горит, вторая — горит, третья — вспыхнула и через один. Петля не сжимается плавно, она сбрасывает витки. Как будто... — пауза, я почти слышал, как она щёлкает колпачком хронометра, — как будто кто-то сматывает нить, и иногда нить проскакивает.

Проскакивает. Я повернулся к Борису.

— Нить. Что чувствуешь?

Борис прижал свёрток с узлом к боку, придерживая локтем, а свободной ладонью охватил верёвку. На сильном хлопке стиснул её, потом разжал пальцы и положил на нить снова. Я наклонился к нему, стараясь поймать момент: когда отпускает и как скоро берётся опять.

— Хлопы стали... разными. — Борис говорил с паузами, пропуская через ладонь очередной толчок. — Раньше — одинаковые. Как сердце. Теперь — сильный, слабый, сильный, два слабых, сильный. И между двумя слабыми есть место, где нить... — он замолчал.

— Где нить что, Борис.

— Где нить как будто не здесь. Провисает. Половину секунды её нет. А потом есть.

Яна, державшаяся моего плеча, подняла голову:

— Это окно.

— Это окно. — Присел рядом с Борисом, приблизив глаза к уровню зелёной точки. В прежней жизни я узнавал такой азарт: ещё минуту назад выхода нет, а теперь нужно лишь вовремя заметить слабину. — Не одинаковое окно. Не «через сто сорок заходи». Разные. Слабый хлопок — нить почти не чувствует поля — поле в этот момент то ли слепое, то ли тонкое. Борис. Твой слабый хлопок и Василисина метка — они совпадают?

Борис посмотрел на разрыв. Зелёная точка за волосом чужого пространства мигала — не рисунком, ритмом, живым ритмом человека, который тоже считает.

— Дай мне двадцать секунд.

Двадцать секунд у падающего цикла — уже пятая часть последнего измеренного интервала. Мы ждали, глядя, как Борис держит ладонь на верёвке, а глазами — на зелёную точку. Яна дышала рядом со мной медленно, как учила Ин-

га, «без испуга». Аким считал что-то про себя, губы шевелились. Тони молчал — вот это было хуже всего, Тони молчал.

— Совпадает, — сказал Борис. — Слабый хлопок — и её метка в этот момент горит ровнее. Ярче. Как будто в слабый хлопок её повтор... подныривает под наш. Или наш под её. Дима, я не знаю физику. Я знаю верёвку. В слабый хлопок верёвка до неё дойдёт.

— Проверяем. — Поднялся, прикидывая, откуда Василисе будет лучше видно мою руку. — Борис, дай слабый хлопок — предупреди за два темпа. Тони — у нити с ним. Ада — на мои губы, дублируешь второму звену каждое слово. Инга — ко мне с брусом.

Уложил пик у на край плиты, в стороне от будущего отхода. Инга вложила брусок в освободившуюся левую ладонь. Прокрутил его большим пальцем, отыскав широкий целый край: след должен быть виден Василисе.

Я подошёл к разрыву. Василиса уже стояла у своей стороны — она видела движение и вышла, как выходят на связь: сама, без зова. Я показал ей левую ладонь: «внимание, работа». Потом ткнул пальцем в её метку, потом сжал-разжал кулак: пульс, ритм. Она поняла мгновенно — она всегда понимала с полуслова, а тут и слова не требовалось. Она подняла свой брусок и встала над камнем.

— Борис!

— Идёт слабый... сейчас... — пауза, — слабый!

Я мазнул фосфором свой камень с нашей стороны — од-

новременно, в тот же миг. И увидел: Василиса мазнула свой. Два зелёных следа, по обе стороны волоса разрыва, легли в одно мгновение.

И — я бы поклялся — они легли одинаково ярко. Ни один не бледнее. Ни один не дрожал. На два дыхания слабого хлопка разрыв был не разрывом. Он был царапиной на стекле. Дотянись — и стекло целое.

— Катя! Что у тебя в этот момент?

— Ничего, — сказала Катя, и я услышал в её голосе то, что она себе не позволяла: изумление. — У меня в этот момент всё обычно. Метки на месте, время идёт ровно. Дима, окно — только внутреннее. Снаружи его не видно. По вашим докладам вы просто стоите у плиты.

Только внутреннее. Значит, часам верить нельзя, секундомеру нельзя, Кате — можно, но она не видит. На верёвке Борис ловил слабинку, за разрывом Василиса отвечала зелёной вспышкой. Эти два сигнала совпали у меня на глазах. На них и пойдём; Катя отсчитывает снаружи, когда дам ей начало.

— Так, — сказал я, и остальные повернулись ко мне, Ада встала в свой угол. — Теперь — как я её вытащу. Слушать до конца.

Я присел и начал рисовать брусом прямо на камне, крупно, как рисуют план на песке.

— Разрыв — не стена. Разрыв — это когда мой повтор и её повтор идут рядом и не совпадают. В слабый хлопок они совпадают на два дыхания. Значит, в слабый хлопок я могу

дотянуться до её метки — рукой, живой, левой. Но дотянуться — не вытащить. Вытащить — это вес. Её вес. Рывок на всю длину руки через границу, которая в любой другой миг режет меня, как волос режет стекло. Одной левой, с правой в ортезе, я человека не вытяну. Не потому что левая слабая — потому что рывок перераспределит меня самого, и меня затащит к ней, а не её ко мне. Обмен. Как утром. Место любит обмены.

— Тогда что? — Тагир опустил край щита на плиту возле моего ботинка. — Нас к тебе поставить?

Покачал головой: людей потянет следом, а разрыв рядом.

— Тогда — не я держу. Тогда держит бетон. — Я ткнул бруском в плиту под ногами. — Плита. Несущая, цельная. Шипы распрём в трещинах; Аким проверит, как держат под нагрузкой. Только после этого — рычаг. Механические стабилизаторы — оба — в крепление ботинок. Стабилизатор ставится не для того, чтобы я был сильнее. Он ставится, чтобы моё усилие уходило в плиту, а не в разрыв. Я — рычаг между бетоном и Василисой. Плита тянет вниз, я тяну вбок, Василиса — навстречу.

— А размыкание? — спросил Борис. Разумеется, Борис. — Как только ты её вытянул — ты стоишь закреплённый к плите на границе сходящегося поля. Думаешь, поле тебя отпустит погулять?

— Размыкает союзник. — Я поднял левую руку и показал на Акима. — Как только вес Василисы лёг мне в руку цели-

ком — полный вес, не половина — Аким разблокирует оба рычага креплений и берёт меня за поясной ремень назад, на себя. Не раньше: раньше — рычаг уйдёт под нагрузкой и я поеду в разрыв. Не позже: позже — поле застёгнется со мной на шве. Окно даёт мне время дотянуться и вытянуть. Не даёт времени стоять.

— Темп, — сказала Ада. Она говорила редко и по делу, и вибрации она читала телом. — Окно умирает быстрее, чем рождается. Я его чувствую кожей. Слабый хлопок короче сильного. Ты успеешь дотянуться и вытянуть — если не будешь терять ни темпа.

— Не потеряю. Значит так. Сейчас — фаза подготовки, длинная, не спешим никуда: крепления, разметка позиций, сухая репетиция без разрыва, на Руслане вместо Василисы. Аким отрабатывает замки и отход. И только когда всё прогоним дважды — ждём слабого хлопка. В слабый хлопок — работа. Один раз. Кто-то скажет «а если не успеем» — ответ: не успеем — ждём следующего слабого. Окна идут сериями, Борис это уже видит. Но каждый слабый хлопок может оказаться последним, поэтому работаем так, будто этот — последний. Вопросы.

Яна приблизилась к рисунку, придерживая левое предплечье у живота. Посмотрела сперва на стрелку, потом за разрыв и тихо спросила:

— А она знает?

Я посмотрел за разрыв. Василиса стояла и смотрела на ме-

ня — на мои губы, на мои рисунки на камне, она не слышала ни слова, но она читала. Она всегда читала. И пока я рисовал ей план — плиту, рычаг, натяжение, человека, которого тянут вбок, — она уже рисовала ответ. На своём камне, крупно, поворотом корпуса.

Себя. Со согнутыми коленями. Стрелку — в мою сторону. «Буду готова. Прыгну навстречу».

— Она знает, — сказал я. — Она всегда знает раньше меня. Работаем.

Фаза подготовки была длинной, и я не дал никому её сократить.

Механические стабилизаторы — два стальных компактных рычага с распорными шипами, старая полевая штука, их проверили перед нынешним выходом — легли на плиту. Я встал ногами на места разметки, Аким и Руслан монтировали крепления ботинок к шипам: каждый шип вошёл в трещины плиты, распёрся, Аким проверил каждый — не взглядом, весом, навалившись. Правый ботинок держал рывок в сторону разрыва, левый — в сторону разрыва и назад. Я стоял приколотенный к мёртвому камню.

— Сухая репетиция, — сказал я. — Руслан, ты Василиса. Стой за моей левой, на длине руки, полвеса. По моему счёту я тяну — ты отдаёшь вес в мою ладонь постепенно, не сразу. Аким, как только его вес в моей руке полный — разблокируешь рычаги. Где кнопки?

— Наружная сторона каждого, под большим пальцем, —

Аким уже стоял на позиции, короткий, собранный, лучший замыкающий, которого я знал в двух жизнях. — Разблокирую правый и левый последовательно, в темпе, и — на поясной ремень, тяну назад.

— Гоним.

Мы прогнали трижды. Первый раз Руслан отдал вес рывком — дёрнуло левое плечо, ботинки встали носками в упоры. Удержав его за рукав, счёл ошибку вслух: «Василиса не рванёт, она умнее нас обоих, она отдаст вес плавно и в конце добавит толчок ногами — она это уже нарисовала».

Руслан вернулся на своё место. На этот раз сначала присел, наклонился ко мне и лишь потом перенёс вес.

— Так?

— Так. Дальше.

Второй раз всё сошлось, кроме разблокировки — Аким потянулся к правому рычагу через мою спину. В такой позиции он упирался рукой в мой бок, едва доставал пальцами до рычага. Счёл и это: «Обходишь снаружи, правый со стороны кромки — я тебя не закрою». Он обошёл и коснулся рычага, проверяя, достаёт ли с этой стороны. Третий раз был чистым. Четыре темпа: захват — вес — полный вес — разблок и отход. Четыре темпа; теперь надо было сверить их с окном.

— Теперь — держатель, — сказал я и повернулся к Борису.

Борис держал свёрток обеими руками у груди. Пока мы репетировали, он отступил на шаг, оставив Акиму место для

обхода. Теперь повернулся ко мне вместе со свёртком; горячий чехол упирался ему в куртку. Приём в поле он угадал, добычу сберёг — и расставаться с ней не спешил.

— До сих пор держатель — ты, — сказал я ему. — Лучше тебя в этом поле никто не держит, и это не комплимент, это протокол. Но в окно я иду закреплённый, обе ноги в бетоне, левая рука — Василиса. Если ты окажешься рядом со мной на рывке — рискуем потерять сразу человека и узел. Добычу держим отдельно от линии моего отхода. Передаёшь Аде. Чехол закрытый, темляк на запястье, стоять — позади плиты, за моей спиной, вне линии разрыва. Ада — слышишь меня глазами?

Ада кивнула и шагнула вперёд. Борис смотрел на свёрток ещё секунду. Потом — медленно, в две руки, сам, не выпуская из ладоней до последнего — передал его Аде. Темляк лёг на её запястье, глухая гильза повисла у бедра, и Ада положила на неё ладонь сверху — короткое, хозяйское движение. Для обходного листа запомнил передачу: до лагеря несёт Ада, там приму узел сам. Проследил, как она проверила темляк, потянув чехол вниз. Шнур выдержал; теперь можно смотреть на разрыв.

— Борис — на нить, теперь ты только метроном. Вслух, весь ритм: сильный, слабый, серии. Ори на весь канал, я в креплениях головой к разрыву, спиной к тебе.

— Орать художественно? — Борис обхватил нить свободной ладонью, выбирая место для пальцев.

— Орать точно. — Повернул голову, проверяя, хорошо ли слышу его из креплений.

— Постараюсь совместить. — Он поднял большой палец и снова уставился на Василисину метку.

Оставалось проложить страховку до самого пояса. Борис протянул мне конец нити, попросил повернуться боком и проверил, чтобы петля легла ниже ортеза.

Борис уже отдал чехол Аде. Теперь он сам, на коленях, прокладывал нить — от якоря по доступным камням, подгоняя петли, до самой последней метки у моего поясного ремня. Страховка была простая: если поле потянет меня сильнее расчёта, тянуть придётся не меня одного, а меня плюс верёвку плюс мёртвый камень. Он затянул последний узел, проверил натяжение ладонью и сказал только: «Держит». Затем мазнул фосфором на безопасной стороне плиты — место, где Инга примет Василису, если рывок получится.

Ада встала у плиты позади меня — чехол на темляке у бедра, ладонь сверху — и начала простукивать несущий ритм: костяшками по плите, тупо, ровно, в такт хлопкам Бориса. Она не слышала их — она видела его руку на верёвке и переводила хлопок в стук, чтобы самой стоять внутри счёта. Плита отдавала стук в подошвы моих ботинок. Второе звено читало его губы.

До следующего слабого хватало времени ещё раз связаться с Катей. Прижал подбородком край воротника, чтобы микрофон оказался ближе ко рту: каждое начало и конец ей

нужно слышать отчётливо.

— Первый пробный слабый — по моему сигналу, — сказал я в канал. — Начало — мазок. Конец — мазок. Засеки, сколько он длится снаружи.

— Есть, — сказала Катя.

На слабом хлопке мы с Василисой мазнули камни; зелёные следы вспыхнули одинаково, и я крикнул в канал: «Начало!» Как только её след побледнел, дал второй сигнал: «Конец!»

— У меня пять с половиной, — отозвалась Катя. — Второй?

Второй слабый пришёл через два сильных. Мы с Василисой мазнули следы — совпали — и я дал Кате начало и конец снова.

— Пять. Ровно пять, Дима. Первый — пять с половиной, второй — пять наружных секунд, — Катя перечислила оба замера без паузы. По моим сигналам она засекала окно на внешних часах; теперь у нас появился предел, который можно было крикнуть вслух. — Даю тебе границу: по моему «пять» тебя на кромке быть не должно. Услышь мой счёт — слушай его как будильник.

Глава 4

— Принято, — сказал я. — Наружная отметка — старт от Кати. Работаем. После Катиных замеров оставалось дождаться рабочего хлопка. Проверил, куда дотянусь левой: пальцы доходили до края собственной метки. Дальше начался разрыв. Сжал кисть, разжал, снова опустил ладонь. Я стоял приколоченный к плите, левая рука свободна и разогрета, правая в полуортезе прижата к груди — опора, только опора. За спиной заняли размеченные места: Тагир и Руслан со щитами — слева и справа от линии разрыва, створки наготове; Инга за Яной, оттяжка на шов; Тони на полшага позади Акима — «на всякий, командир, вдруг вас двоих тащить придётся, я слабый, но обиженный». Катя снаружи держала свои часы и свой голос.

Василиса за разрывом готовилась по-своему. Она не просто стояла — она строила себе трамплин: подтащила камень, небольшой, поставила его у самой границы, в полушаге от своего зелёного следа, присела на него, согнув колени — ровно так, как нарисовала. Прыжковая стойка на старте. И — я увидел это и глотнул воздуха — она достала брусок и начала мазать. Не метки. Линии. На своей стороне, вдоль границы разрыва, она клала фосфорные штрихи — частые, косые, как трава под ветром — делая свою сторону видимой. Светящуюся. Живую.

Каждый штрих приходилось класть из низкой стойки, вытягиваясь вбок. Василиса переносила брусок в правой руке, а левым предплечьем опиралась о бедро. Разглядел её сбитое запястье и стиснул зубы. За день она исписала камень парами, теперь расширяла светящуюся полосу до места прыжка. Мне будут видны и её рука, и край опоры.

Может, эти мазки ещё и помогали Борису чувствовать её по ту сторону. Проверять было некогда. Василиса трудилась, пока мы готовили рывок, и я запоминал каждое её движение: когда наконец совпадём, ловить нужно с первого раза.

— Сильный! — крикнул Борис. — Сильный! Слабый!

Слабый хлопок. Зелёное за разрывом вспыхнуло ровно. Мы синхронно мазнули с Василисой проверочные следы — совпали ярко. Окно дышало. Убрал брусок в карман и поднял пустую левую ладонь: стоять. Это была репетиция окна. Хватит ли мне Ады, темпа, веса — я проверил глазами. Хватит. Значит, жду следующего.

— Сильный... сильный... — Борис лежал ладонью на верёвке, как медсестра на пульсе. — Серия слабых! Три слабых подряд! Дима, серия!

Серия слабых — окно, открытое на три дыхания дольше. Или место, которое собирается захлопнуться особенно подло.

— Стоячий расчёт! — сказал я. — Все по разметке. Следующий слабый — рабочий. Аким — счёт вслух от моего захвата. Пошла подготовка.

Яна с Ингой отошли за плиту. Тагир и Руслан подняли щиты в полуготовность. Ада за моей спиной, свёрток у бедра, ладонь сверху. Тони положил руку Акиму на плечо — «второй тягач готов». Подал вес вперёд до упора в креплениях. Шипы держали ботинки, рычаги стояли на упорах; подошвы даже не скользнули. При таком наклоне без них я уже шагнул бы в разрыв.

— Оба держат? — Аким присел у правого ботинка, проверяя доступ к рычагу.

— Оба. Отход снаружи оставь свободным.

Он провёл ладонью вдоль моего бока, показывая путь к ремню, и убрал руку. Тони сместился следом за ним.

За разрывом Василиса поднялась со своего камня в низкий старт. Последний раз посмотрела на меня — и я видел её лицо, близко, ближе, чем когда-либо за этот день, через волос чужого пространства: сосредоточенное, злое, живое. Она показала мне левую ладонь — наш жест — и я ответил тем же. «Жива, на позиции, держу связь».

— Слабый! — крикнул Борис. — СЛАБЫЙ!

— Начало! — отозвалась Катя снаружи, ровно, как метроном поверх метронома. — По двум пробным — пять. Считаю: один... два... — и её счёт лёг в канал вторым слоем, наружным, независимым, тем, которому не врал ни секундомер, ни поле.

Разрыв дрогнул — и поплыл. Не исчез: истончился, волос стал тенью волоса, зелёный след Василисы вспыхнул так, что

я видел зернистость фосфора. Я подался вперёд в креплениях, левая рука пошла через границу — камень был камнем, воздух воздухом, моя ладонь легла на её предплечье, тёплое, ткань куртки, живое, — и я сжал.

— Раз! — крикнул Аким.

Вес пошёл. Она отдавала его так, как рисовала: плавно, сначала руку, потом корпус, толчок ногами с камня — она сама прыгнула навстречу. Успел увидеть, как выпрямились колени, прежде чем её плечо налетело на мой захват. Даже здесь помогала тянуть себя. Зелёные штрихи на её стороне начали гаснуть один за другим, от дальнего к ближнему. Последний оставался прямо под её оторвавшейся от камня подошвой. Следил за ним краем глаза и тянул, тянул — пока есть свет.

— Два! Вес! — Аким.

Полный вес человека в моей левой руке. Плечо взвыло, ортез на правой тупо давил в грудь — опора, только опора, — но плита держала: усилие уходило вниз, в шипы, в мёртвый камень, рычаги стояли, я был мостом между бетоном и человеком.

— ТРИ! Полный!

— Разблок! — рявкнул я.

Аким уже двигался — снаружи, как учили, правый рычаг со стороны кромки, щелчок, левый, щелчок, — оба крепления освободились. Только после второго щелчка Тони рванул меня за поясной ремень назад, всей обиженной массой.

Аким подхватил ремень с другой стороны. Граница не то чтобы захлопнулась — она рванулась. Но рванула по пустому месту: я уже падал назад, в руки Тони и Акима, а на мне — всем весом, локтем в мою ключицу, коленом в плиту — лежала Василиса.

Живая. Тяжёлая. Дышащая. С брусом фосфора, зажатым в кулаке так, что ногти побелели.

Тони дотащил меня за ремень за плиту. Василиса упёрлась в камень коленом, оттолкнулась от моей груди и с нашей помощью поднялась. Под её локтем ткань куртки была мокрая. Дальше мы с Тони перенесли её за внутреннюю выходную метку, поставленную Борисом на безопасной стороне плиты перед рывком. Правую в ортезе берег у груди, поддерживал Василису левой за спину; Тони взял её с другого боку.

Инга ждала там с начала рабочего окна. Приняла Василису под руки, усадила на камень и уже тянулась к фляге, когда та подняла голову. Оглядела всех девятерых остекленевшими от усталости глазами и заговорила — хрипло, сорванным за день молчания за непроходящей границей голосом:

— Двадцать шесть повторов я там проторчала, командир. И у меня к тебе одна претензия: окно в четыре темпа — это возмутительно мало для человека, который два захода кормил стража собственным обманом. В следующий раз планируй пять.

И всё. Десять. Нас снова десять.

Опустился на плоский камень за выходной меткой, вытянул ноги; правая рука гудела, левая дрожала мелкой радостной дрожью. Посидел ещё секунду, слушая её хриплый голос рядом. Вот же она — сидит, ворчит на четыре темпа, держит свой замусоленный брусок. Можно потрогать. Упёрся левой в камень и встал: остальным нужен приказ на выход.

— Осмотр! Инга — Василиса, полная, немедленно. Ада — прибор! Борис — нить, полный отчёт. Катя — внешний статус!

Поднял ладонь, останавливая Тони: он уже полез за ремнями укладки. Сначала осмотр, потом сборы. Наклонился к Василисе, чтобы слышать Ингу за треском канала; так и слушал доклады, стоя рядом с ними.

— Василиса: обезвожена, переохлаждение начальное, левое запястье — ссадина, получена до, суставы целы, ходит сама. — Инга передала ей флягу и обмотала запястье бинтом, оставляя пальцы открытыми. — Внутри её — колотье, но живое. Годна к переходу на своих ногах, темп средний.

— Глотками, — добавила она, прижав конец бинта. — Горло болит?

Василиса кивнула и отняла флягу от губ.

— Вот и не заливай сразу. Флягу несёшь сама, тебе пить по дороге.

— Поле... — Ада смотрела на прибор, и её резкий голос впервые за день стал почти мягким. — Сто стабильно. Не падает. Дима, оно не сжимается больше. Оно... выдохлось.

Или ждёт.

— Нить цела, все узлы, якорь держит, — Борис. — И хлопки... — он замолчал, и мы все замолчали с ним. — Хлопки выровнялись. Одинаковые. Ровные, как... как обычное сердце у обычного камня. Поле дышит ровно, Дима. Без памяти циклов оно просто поле.

— Внешний статус: — Катя, и я услышал в её голосе улыбку, которую она не стала прятать, потому что Кате можно было сегодня. — Три метки на месте, время едино, кромка спокойна. Василису моими глазами не видела, жду лично. Дима. Десять.

— Десять, — сказал я. — Выход.

Борис снял страховочную петлю с моего пояса, оставив направляющую нить до наружного якоря. Аким подал мне пику с края плиты, заодно проверил, что цепь собрана и за камень не цепляется. Принял древко левой, упёр конец в землю. Пока Инга поднимала Василису, Аким сложил распорные шипы, вынул оба стабилизатора из трещин и убрал в переноску. По нити мы и пошли обратно.

Дорога до кромки была длинной и скучной, и это была самая прекрасная дорога за две мои жизни. Аким считал шаги, Тагир и Руслан шли со щитами, Василиса шла сама, посередине строя, отпивала из фляги и между глотками следила за Адиной жестикуляцией — и один раз сказала: «Ада, у тебя жест „полный вес" стал лучше, чем мой». Борис выбирал нить за нами узел за узлом, проверяя каждый, прежде

чем уложить. Ни одного рывка: шли в том темпе, какой могла держать Василиса. Ада называла всё те же сто.

У кромки нас встречала Катя. Она стояла у своих трёх фосфорных меток, с часами в руке, и когда Василиса шагнула за полосу — первой из нас всех, мы её пропустили вперёд, — Катя сделала то, чего я не видел за ней ни разу. Она бросилась вперёд, обняла её одной рукой (во второй были часы, а часы Катя не бросает никогда), и сказала в плечо Василисы быстро-быстро: «Я считала твои пары по Диминым докладам, я все их записала, каждая на месте, ни одна не пропала», — и голос её дрожал, и Катя зла на себя за эту дрожь не была. Катя всё ещё прижимала часы к себе, но сверять уже ничего не пыталась. Василиса обняла её правой, флягой упершись в спину, и тоже задержалась. Дал им постоять; нить Борис пока выбирал у кромки.

На наружном посту, за последней меткой, Катя подняла журнал и сказала:

— Пересчёт. Поимённо, по моим глазам. Дима?

— Здесь, — сказал я. — Обе руки при мне, одна честнее другой.

— Дима, есть. Василиса?

— Здесь, — хрипло сказала Василиса. — Двадцать шестой повтор — последний, дальше я отказываюсь работать без выхода.

— Василиса, есть. Тагир?

— Здесь. Щит цел. Борозда на память. — Тагир повернул

щит бороздой к Кате; карандаш скрипнул по журналу.

— Тагир, есть. Аким?

— Здесь. Шаги сошлись с расчётом. — Аким подтянул крепления в переноске. Оба рычага были с нами, шипы убраны.

— Аким, есть. Тони?

— Здесь. — Тони размял плечо: после рывка за мой ремень даже ему пришлось поморщиться. — Обижен, уставшим не считаюсь, к перевозке людей годен.

— Тони, есть. Ада?

Ада подняла левую руку с темляком и коротко кивнула Кате в лицо — а Катя, не отрывая карандаша, повторила ей одними губами: «есть». — Ада, есть. Руслан?

— Здесь, — сказал Руслан, и к своему обычному кивку на этот раз он добавил слово.

— Руслан, есть. Инга?

— Здесь. Две новые перевязки, обе ходячие. Командира с его старой рукой тоже довела. Сама здесь. — Инга подтолкнула Яну в поле Катиного зрения, придерживая за здоровый локоть.

— Инга, есть. Борис?

— Здесь. Нить вся моя, узлы все мои, отчёт вечером. — Борис прижал собранные петли к боку и освободил место Яне.

— Борис, есть. Яна?

— Здесь, — сказала Яна и, подумав, добавила: — Стре-

ляла без рывка.

— Яна, есть, — сказала Катя и подвела карандашом строку. — Десять из десяти. Не «вроде все», а десять, по одной метке на каждого. Уходим.

А потом — лагерь. Машины. Палатки. Горячее.

Аким разжёл горелки; возле машин запахло разогретой едой. Сел ближе к горелке и сразу захотелось расстегнуть куртку: здесь уже можно было. Пока слушал шорох тента над головой, впервые за день перестал прислушиваться к хлопкам. Первая кружка с тёплой водой пошла по кругу — не чай ещё, просто вода, — и Василиса держала свою кружку двумя руками, как держат тепло, и смотрела на пар над краем. Когда Аким протянулся мимо за посудой, она отдёргнула кружку к груди, оглянулась — и сама усмехнулась. Сделала ещё глоток, осторожно, помня Ингу. Яна села у костра, Инга сменяла ей повязку — уже третью за день, чистую, — и Яна сказала: «Шов не разошёлся ни на нитку. Я стреляла без рывка, как учили». Инга сказала: «Вижу. Хвалю». Всё. Этого хватило.

Смену караула я назначил вслух, поимённо: Тагир — первый, Руслан — второй, Тони попытался записаться первым и был с позором отправлен спать. Еду получили все десять: Тони, дожёвывая, произнёс тост «за командира, который жульничает быстрее, чем поле думает», и никто не засмеялся громко — все были слишком усталые, но все кивнули, и я кивнул тоже. Поднял кружку ему навстречу. Пусть видит:

тост принимаю, слово в слово. Я два захода кормил стража собственной кровью и правой рукой, которая до сих пор не чувствует двух пальцев, я вытащил Василису из соседнего повтора за четыре темпа — я заработал этот тост, и я его выпил. Тёплой водой. Из кружки, которая после этого стала моей любимой кружкой.

Правую руку Инга посмотрела лично, при свете горелки: «Ортез не снимаем. Два пальца проверю ещё раз после отдыха. Если чувствительность не вернётся, связываемся с Титом». Я кивнул. Отдельный торговый футляр с низким Дядром оставался в Ингиной укладке; его она не открывала.

Катя села возле меня с журналом, убрала кружку с карты и подложила под лист свою папку.

— Три наблюдения, — сказала она, водя карандашом. — Записываю под твою подпись. Первое: интервал сто сорок — это было начало дня, до удаления ядра. После удаления — падение ступенями до ста, с пропусками циклов. Не «всегда сто сорок», Дима, запомни это для будущих выездов — поле меняет ритм, когда у него что-то забирают. Второе: внутренние секундомеры врут в минус, до одиннадцати секунд, доверие — только внешним часам с внешними метками. Третье: разрыв в слабый хлопок проходим для руки и веса, в сильный — нет ни для чего. И вот кромка. — Она обвела карандашом на карте полосу у валунов, где мы стояли. — Безопасная кромка на сегодня: три метки плюс скальный выступ. Не «безопасное место вообще». Сегодня, с этим полем,

в этом его состоянии. Завтра перемеряю.

— Вот за это я тебя и держу на внешнем якоре, — сказал я. — Ты единственный человек, который говорит «сегодня безопасно» и обязательно добавляет «завтра перемеряю».

— Кто-то же должен быть скучным. — Катя прижала угол карты кружкой и закрыла журнал. — Вокруг вас, огненных, иначе все сгорит без бумажки.

И уже в сумерках — осмотр добычи. Финальный, полный, при свете двух горелок, всей десяткой, потому что добыча общая, а смотреть на такое любопытно всем.

Ада передала свёрток мне. Темляк — на моё запястье, глухая гильза — в левую ладонь. Держатель на выходе — Дима, так было сказано в поле, так и стало. Я развязал шнуровку левой, не спеша, и открыл чехол.

Узел лежал в гильзе тёмно-серый, остывший за вечер до тёплого, как бок спящего пса. Волны по нему больше не шли. Почти. И я поднёс его к свету — рассмотреть, записать, описать Кате для протокола — и замер.

По поверхности узла шло движение. Не волна. Отражение.

Тонкая, точная, как отражение в тёмной воде: рука. Моя рука, левая, с брусом фосфора, — и она мазала длинную линию по камню. Длинный мазок. Метку.

Посмотрел на свою левую. Пальцы охватывали гильзу. Брусок лежал в кармане; рядом с колесом машины темнел камень, на котором я собирался поставить перед сном кон-

трольную метку. Только собирался — старая привычка проверить лагерь, пока все укладываются. А узел уже показал руку с фосфором и длинный мазок. На поверхности погасло отражение. Снова серый камень; у колеса — прежнее тёмное пятно без метки.

Прижал гильзу к колену. Хотелось сейчас же достать брусок и сравнить движение, но тогда сам себе испорчу проверку. Палец так и остался на шнуровке.

— Ада, — сказал я тихо. — Катя. Смотрите.

Катя снова раскрыла журнал, заложив карандашом страницу с картой. Ада пододвинулась к свету.

Поставил раскрытую гильзу на край плиты у горелки так, чтобы обе видели поверхность, и сам — медленно, на виду, демонстративно — положил обе руки на колени. Правая в ортезе. Левая пустая. Никакого бруска. Никакого мазка.

Свет горелки дрожал на серой поверхности. Мы смотрели на неё втроём; Ада даже наклонилась с другой стороны, проверяя угол. Движение больше не повторилось.

— Оно показало движение, которое я ещё не сделал, — сказал я. — Собирался — и не сделал. Показало до того, как я решил, что не буду. Катя, запиши как есть, без выводов: «объект отразил нереализованное намерение держателя, один раз, короткий». Это не предвидение. Мы не знаем, что это. Может, оно читает готовность в руке — тремор, напряжение, что угодно телесное, — и рисует вперёд на полсекунды. Может, что-то ещё. Не знаем.

— А если оно показывает вперёд дальше, чем полсекунды? — Катя остановила карандаш в конце строки. Посмотрела на мою левую, потом на узел; ждала ответа, держа журнал на коленях.

— Тогда завтра мы это узнаем дешёво, — сказал я. — Не сегодня. Сегодня я ничего не проверяю уставший, с одной рукой и десятью живыми людьми на руках. Завтра — слепая тестовая проверка: я загадаю движение, не озвучивая, Ада будет смотреть только на узел, Катя — только на меня, сверяем после. Если узел угадает неотмеченное, невысказанное, неделанное — тогда у нашего ресурса есть ещё одно свойство. И его предел проверим свежими головами, оставив пустое поле за спиной.

— Мотивирует, командир. — Из темноты у костра высулась голова Тони. Он приподнялся на локте, отодвинув свёрнутую куртку. — В смысле — совсем не мотивирует, и спать я теперь буду с открытыми глазами.

— Спи с закрытыми, — сказал я, забирая гильзу с плиты, и затянул шнуровку чехла. Левой, глухо, до конца. — Узел закрыт, держатель — я, караул — Тагир. Это не пророчество в мешке, ребята. Это ресурс с одной проверенной странностью и нулём проверенных чудес. Добыча дня: ядро, ядро записало, все десять живы, ни один резерв не потрачен, раненые перевязаны и едят. Ядро на новый ранг не тянет — и пусть. Мы выходили не за рангом.

Я оглядел лагерь в последний раз. Василиса спала уже си-

дя, кружка в остывающих пальцах. Яна правой подтянула на ней свою куртку; левую берегла у живота. Инга забрала кружку, прежде чем та съехала с колен, и поставила на землю рядом с Василисиным ботинком. Тагир стоял на карауле лицом к кромке, неподвижный, как его щит. Ада сидела рядом со мной и растирала запястье, на котором час назад был темляк. Провела большим пальцем по вдавленной полоске и вытянула руку ближе к горелке. Проверил шнур у себя: лежит свободно, больше не нужно вжимать добычу в бедро и беречь от рывков.

А я смотрел на закрытый чехол, и в голове у меня, наперекор усталости, уже собиралась завтрашняя проверка: как сделать её слепой по-настоящему, чтобы ни я, ни узел, ни поле не могли сжульничать. Потому что брусок фосфора у меня завтра будет в левой руке.

И узел это, кажется, знал раньше меня.

Глава 5

Я проснулся от запаха крепкого чая у самого лица. От моей кружки обычно пахло глиной и вчерашней водой; сейчас поверх этого шёл лимон.

Это глупо звучит, наверное. Но у любимой кружки — той, из которой я пил тост Тони тёплой водой — есть скол на краю слева и трещина, бегущая по глине кольцом, и я привык находить её в темноте пальцами, не глядя. А утром дня двадцать пятого пришлось приподняться на подстилке и поискать её глазами — и в ней был чай. Крепкий, сладкий, с плавающей коркой от лимона, которую кто-то бросил из принципа.

И кружка стояла справа, у руки в полуортезе. Поддержать её я ещё мог, а вот поднять, не расплескав чай себе на колени, — вряд ли. Потянулся через себя левой и взял за ручку.

— Это захвачено, — сказала Василиса из-за спины. Она сидела на своём месте у разостланной подстилки, левое запястье перебинтовано, под глазами тени от вчерашней петли и обезвоживания, но голос — голос вернулся к ней весь, до последней вредной нотки. — Кружка твоя, чай мой, компенсация.

— За что компенсация? — Поднёс кружку к губам, но отхлебнуть пока не успел.

— За караул. — Василиса подтянула подстилку здоровой

рукой, освобождая себе место у моих ног. — Ты поставил Тагира первым, Руслана вторым, а меня — вообще никак. Я четыре темпа прожила в чужом повторе, командир. Я имею право постоять ночью с оружием, как все нормальные параноики.

— Ты имеешь право спать, — кивнул на её бинт. — Инга дала тебе трёхдневный щадящий режим, и я его подписал. Хочешь караул — иди спорь с Ингой.

— С Ингой бесполезно. — Василиса покосилась в сторону медицинской укладки. — У неё дневник толстый и лицо неумолимое. Поэтому я спорю с тобой. Ты мягче.

— Я не мягче. Я занятее. — Отодвинул коленом чехол с узлом подальше от кружки: чай она уже захватила, хватит с неё.

— Вот именно, — она забрала кружку обратно правой рукой, аккуратно, чтобы не расплескать, отхлебнула из неё демонстративно и вернула. — Пей. И не делай вид, что тебе неприятно. Ты всю ночь ворочался, я слышала. Думал про своё серое сердечко.

Про серое сердечко. Когда узел показал отражение, Василиса уже спала. Кто-то успел ей рассказать про вчерашнюю добычу, раз спрашивает; в десятке такие новости долго под одеялом не удержишь. Отхлебнул, придерживая кружку левой. Сахар растворился до конца, лимон чуть щипал язык — хороший чай, зараза.

— Моё, — прижал кружку к груди, оглянувшись на чехол.

— Ядро моё, заработано. Просто теперь надо понять, что оно умеет, — и уже прикидывал: какой предмет, какой горизонт, кто бросает, где ловить отражение.

— О-о-о, — сказала Василиса и посмотрела на меня с искренним, почти медицинским интересом. — Началось.

— Что началось? — Прикрыл кружкой улыбку: она уже заметила, куда я смотрю.

— Дима Пырьев получил силу — и через минуту уже проектирует ей испытательный стенд. Катя, иди сюда, у командира симптом! Мышца ещё тёплая, а он уже чертит план упражнений.

— Мышца без плана — это жир, — отхлебнул и спрятал улыбку за кружкой.

— Вот! — Василиса торжествующе подняла палец. — Он ещё и оправдывается красиво. Записывайте: жадность у него инженерная, аппетит измеримый. Ада, ты понимаешь, что нам теперь жить с человеком, который даже халяву отправляет на приёмку?

Катя уже шла с журналом под мышкой. Василиса махала ей, но Катя смотрела на меня; пришлось убрать кружку от лица. По тому, как она придерживала пальцем заложенную страницу, было понятно: разговор у неё заготовлен, и шуткой я его не отделаюсь.

— Доброе утро, — сказала она, без всякого «доброе» в голосе. — Дима. Я слышала, как ты спал. Вернее — как не спал. И я видела, как ты утром, ещё до света, объяснял Аде

жестами про «контрольную группу движений». Хочу сказать заранее, до завтрака: если ты сейчас начнёшь превращать завтрак в испытание, я отберу у тебя журнал и буду записывать сама.

— Я не... — Поставил кружку на землю, освобождая левую для объяснений.

— Ты делал упражнение для кисти. — Катя показала карандашом на мои пальцы, и я перестал их сгибать. — И смотрел на Тони с секундомером в голове. Не отпирайся, у тебя секундный тик в углу глаза.

Закрыв рот: спорить тут было не с чем. Ещё до света я лежал в темноте, слушал, как дышит лагерь, и мысль о трёх секундах — что бы я отдал за три честных секунды вперёд, вчера, у валунов, — крутилась во мне, как вода в воронке, и всё, на что я смотрел, я уже примерял: а можно ли это проверить? А это? А вот Тони храпит — можно ли по фосфору...

— Ладно, — сказал я. — Завтрак — не испытание. Но после завтрака — да, испытание. И я хочу сделать его правильно, Катя. Не как вчера в темноте, не «кажется, показало». Слепым. По-настоящему.

— Тогда ешь, — сказала Катя и подсела к костру. — И не тирань яичницу силой мысли. Она и так приготовлена.

За завтраком я привычно считал выданные миски: десять, все на месте. Аким разливал, Тони раздавал, и на четвёртой порции Тони остановился напротив меня с полной миской и блюдом в другой руке и сказал:

— Командир. Угадай.

— Что угадать? — Убрал свою миску с его пути: Тони уже качнул блюдо над моим коленом.

— Мой завтрак. — Он пододвинул блюдо с хлебом себе под подбородок. — Ты же теперь всё видишь вперёд. Ну — что я возьму сейчас: хлеб или вторую миску?

— Тони, узел в чехле, я его не активировал, и вообще...

— Боишься, — сказал Тони с нежностью. — Боишься, что не угадаешь, и миф пошатнётся. Так и запишем: командир избирательно всемогущий.

— Запиши лучше: хлеб, — кивнул на блюдо у него под подбородком.

Тони поставил полную миску рядом со мной, освобождая руку, и посмотрел на меня. Потом на блюдо. Потом снова на меня — и взял хлеб. Специально, напоказ, ломая свой собственный план, потому что он собирался взять вторую миску, я видел это по развороту его кисти.

— Вот! — он поднял хлеб, как трофей. — Я сделал наоборот. А ты сказал «хлеб». Значит, не угадал!

— Тони, — сказала Яна, не поднимая головы от своей порции, — ты сейчас ударными темпами доказываешь, что командир влияет на реальность одним словом. Я бы на твоём месте поел молча.

— Он всегда так, — сказал Руслан, и это было целое выступление для Руслана. — В прошлом месяце он спорил, что командир не почувствует подменённый патрон. Почувство-

вал. Тони проиграл кисель на неделю.

— Кисель был нечестный! Никто не сказал, что кисель считается по календарю!

Ел и слушал их перебранку. На хлебе остались следы Тониных пальцев, Аким скрёб по дну котелка половником, кто-то просил добавки — все десять вернулись и теперь шумели у костра. Двое перевязаны, потерь нет. От горячей еды стало легче, и чехол у колена можно было хотя бы на минуту оставить в покое. Даже Василиса, дразнясь, дразнилась легко — не по-вчерашнему, не из петли. Она вернулась. Они все вернулись.

Поэтому и хотелось проверить всё правильно. Вчера мне «кажется, показало» хватило бы, чтобы полезть ещё раз. А сегодня перед глазами были Василисин бинт и Янина осторожно прижатая рука. Перед следующим выходом мне нужно знать, где узел поможет, а где придётся вывозить самому. Катя запишет предел — тогда можно будет давать людям задачу, а не обещать чудо.

Домой поехали после завтрака: две машины, передача поста внешнему звену по договору — не «бросили», а сдали: я лично прошёл по линии с их старшим, сверил ключи, капсулы, точки выхода, и старший звена, угрюмый мужик по имени Гарик, расписался в Катином журнале и сказал: «Вашу кромку не трогаем, свою метим сами». Ключ и неактивный браслет остались в терминальной ячейке Кати, её наружный ключ ушёл в отдельную капсулу, и Катя закрыла обе с оди-

наковым лицом — как закрывают двери, за которыми всё в порядке.

Через час мы были в «Проходе Пети». Дом принял нас гулом вентиляции и запахом масла — Катя связалась с Титом из диспетчерской. На экране он вытер руки, показал два пальца, потом сжал кулак: осмотр после рейда откладывать не велел. Про будущую пику я спросил сам, и он мотнул головой — пока разговор. Инга уже шла к нам с медицинской укладкой.

Инга перехватила меня первой. Правая рука, ортез наполовину снят, два пальца — она щупала их долго, серьёзно, чуть дольше, чем вчера.

— Чувствительность частичная, — сказала она. — Это лучше, чем ноль. Отдых, не хватать. Полного хвата нет и в ближайшие дни не будет — смирись. Низкий D-футляр цел, лежит у меня, не вскрывала.

— Хорошо. Яна?

— Шов чистый. Василиса пьёт и спит, заливаем её водой по графику. Живые, командир. Все живые.

Это была лучшая сводка утра. Всё остальное было уже роскошью.

В испытательной — дальней комнате Прохода, которую Пашка освободил от ящиков для нашей проверки, — мы собрались к полудню. Я, Катя, Ада. И четвёртый.

Олега привела Катя. В лицо я его не знал; среди старой девятки и на наших выходах он не появлялся. У порога он

задержался, пока Катя не указала на свободный стул. Техник с ближнего торга, рекомендованный Гришей-мастером: человек, нанятый на конкретные деньги за конкретную работу — принимать тесты, фиксировать, не задавать вопросов. Для слепого теста он годился: Катины привычки я уже знал и мог угадать бросок без всякого дара. Олеговы руки были мне незнакомы. Вот только платили ему за работу, а насколько честно он её делает, предстояло выяснить. Пока отодвинул к нему предметы для проверки, оставив чехол с узлом у себя.

Олегу я дал доступ ровно такой, какой нужен: стол, предметы, протокол. Историю первой линии и вчерашнюю запись намерения ему не давали. Он протянул мне ладонь для рукопожатия, увидел ортез и сменил рукопожатие кивком без единой паузы — воспитанный, быстрый, лицо скучающее. Хорошее лицо для испытателя: скучающее.

Ада вошла последней и сразу положила ладонь на стол — плоско, всей поверхностью, привычно. Она не слышала ни слова, но читала нас, и когда я повернулся к ней, чтобы говорить, она уже смотрела на меня.

— Мы делаем проверку узла, — сказал я медленно, жестами дублируя главное. — Тебя прошу: метка на столе. Устойчивая, тихая, на всю проверку.

Ада кивнула и достала свой набор. Уже дважды видел, как она кладёт метку, а сейчас снова подался вперёд: наконечник шёл по кромке столешницы почти без нажима, волна уходила в дерево. Ада следила за ней через ладонь на столе; я сле-

дил за наконецником, стараясь запомнить, где она замедляет его ход. Глухая, а ритм чувствует лучше нас всех. Метка легла кольцом вокруг центра стола. Через десять минут я сам убедился, зачем нужна эта опора: только с ней удалось разобрать движение в узле.

Узел достал левой рукой из гильзы и положил на подставку в центре кольца. Сел ближе: без крепления придётся держать левое предплечье на нём, а кисть оставлять за подставкой. Правая в ортезе легла на колено; помогать ею здесь было нечего.

Ада тем временем поднесла к нему свой измеритель — коротко, деловито, как градусник под мышку. Повернула измеритель ко мне: двенадцать. Затем ткнула в узел и прижала ладонь к столу: «двенадцать импульсов, ритм держит».

— Двенадцать, — повторила Катя в журнал. — Открываю счёт ресурса. Двенадцать доступных активаций нового узла, ноль потрачено. Дима, бери ниже: я не хочу, чтобы к вечеру было «примерно десять».

— Будет ровно, — сказал я. — Потому что каждый расход — с твоей команды и вслух.

— С моей команды, — согласилась она с удовольствием человека, которого наконец-то слушаются до того, как грохнется.

Первый тест я убил сам. Собственноручно, на полуслове. Катя встала с тремя предметами — брусок фосфора, гайка, колпачок — и собиралась бросать их в центр кольца по

своей схеме. Сначала прошли порядок без включения узла: я называю предмет и сторону, она бросает и записывает. До ресурса пока не добрались. На третьем сухом прогоне поднял левую ладонь:

— Стоп. Это нечестно. — Катя придержала следующий предмет в ладони, и я показал на мешок.

— Что нечестно? — Катя даже не обиделась, она ждала этого, я теперь уверен, что ждала.

— Ты знаешь свой порядок бросков. Я уже знаю, как ты выбираешь бросок. Ты бросала «фосфор, гайка, фосфор» — и я уже не смотрю в узел, я просто читаю твою привычку. Мне приятно угадывать, но проверяем мы узел, а я сейчас могу ответить, даже не касаясь его. Перемешай предметы вне моего зрения. Пусть Олег держит мешок, ты кладёшь руки внутрь, я отвернулся, Ада держит метку. После перемешивания я не должен знать, какой предмет в какой руке. Кулаки держи закрытыми до его выбора.

Катя секунду смотрела на меня поверх журнала. Я уже приготовился объяснять ещё раз, зачем испортил ей готовую схему, но она опустила глаза к журналу и задержалась над старой записью. И вот тут стало хорошо — ещё до того, как узел хоть что-нибудь показал:

— Вот теперь — пишу. — Катя отвела карандаш от старых строк и начала новую. — «Держатель отклонил слишком лёгкий результат в пользу проверки». Это, Дима, дороже самого результата. Олег, мешок.

Олег подал мешок — брезентовый, торговый, с тёмными масляными пятнами. Катя скрыла в нём руки, перемешала, вынула кулаки. Ада положила обе ладони на стол по краям кольца и замерла. Я прислушался — ничего. Зато видел её ладони: обе оставались на своих местах, пока мы готовили бросок, и кольцо не сбивалось.

— Схема такая, — сказал я. — Я активирую узел — одна единица, Катя, засекай. Смотрю только на узел и только на Олега. Задача — не «что произойдёт в мире», а ближайшее движение отмеченного человека. Олег: после моей команды «готов» ты берёшь из Катиных рук один предмет — любой, мгновенно решаешь — и кладёшь его в кольцо: слева или справа. Я называю предмет и сторону до того, как ты дотронешься. Катя считает вслух, внешне, с секундомером. Свеемся после. Вопросы?

— Один, — Олег задержал пальцы над Катиными кулаками. — Если не угадаете — это записывается как есть?

— Как есть, — Катя отвела карандашом отдельную строку под результат. — Без прикрас. Здесь вообще всё без прикрас, Олег, привыкайте.

— Начинай, — Катя запустила секундомер.

Повернув левую руку ладонью вверх, прижал предплечье к узлу на подставке. Кисть лежала за ним, свободная. Закрыв глаза на два счёта: поймал себя на том, что уже жду гайку, ещё до включения. Выдохнул, открыл глаза и посмотрел на серую поверхность.

— Активация. Один потрачен. Одиннадцать осталось.

Кожу предплечья чуть грело; боли пока не было. На поверхности узла дрогнуло отражение, и пришлось наклониться, чтобы разглядеть его сбоку от руки. Там появилась правая кисть Олега. Его пальцы — у Олега длинные, торговые, с обкусанным ногтем большого — идут вниз, и в них уже лежит гайка, и кисть разворачивается влево, к левой половине кольца.

Не «знание». Видение одного движения, локального, ближайшего. Как воспоминание, вывернутое вперёд.

— Гайка. Слева, — сказал я. — Готов.

— Считаю, — сказала Катя. — Раз...

Олег разжал Катины ладони, взял из левой — гайку, швырнул её в кольцо. Гайка ударилась о дерево и покатилась влево, пересекла линию Адиной метки и легла у левого края кольца.

— ...два с половиной, — закончила Катя и замолчала. Потом посмотрела на секундомер, потом на меня. — Две и восемь десятых от твоего слова до удара. Внутри трёх.

В комнате было тихо. Ада подняла ладонь со стола и показала мне большой палец, потом повела кистью: «вижу ритм — было ровно».

И я засмеялся. Выдох рванулся из груди, пришлось отвести лицо от узла; Катя смотрела на меня, а остановиться всё равно не получалось. Двенадцать лет уродливая сила брала больше, чем давала, — и вот впервые она просто даёт. Про-

сто работает. Три секунды. Один человек. Одно движение. Мало? Мало. Но это МОЁ — не чужая запись, не инструкция Штерного, не память мёртвого браслета. Это стало моим: ядро я вытащил вчера, заплатив своей кровью. Два пальца правой руки до сих пор не чувствуют прикосновения.

— Катя, — сказал я, отсмеявшись. — Записывай определение. «Импульс эхо-ядра: видение ближайшего вероятного локального движения отмеченного человека, горизонт до трёх секунд, при устойчивой метке и контакте левого предплечья держателя с узлом». Не больше. Не город. Не чужие мысли. Три секунды одного движения.

— Записала, — сказала Катя, и карандаш у неё шёл ровно, но уголок рта она не удержала. — Поздравляю, командир. У тебя теперь есть официально задокументированные три секунды. Большинству людей и одной хватает, чтобы облажаться.

Хотелось ещё — честно хотелось, дурной ясной жадой, как хочется взять ещё вес, когда первый наконец поддался. Но я не дурак тратить ресурс на повтор одного и того же. Если тратить — то на новое.

— Активация вторая. Десять остаётся, — сказал я. — Олег, положи мешок. Не вслепую. Возьми одну гайку, держи в кулаке, реши сам — лево или право, — и по моему кивку бросишь на стол. Один бросок. Всё.

— Один? — Олег поднял бровь. — Маленький у вас аппетит для второго раза.

— Один, — отодвинул пустой мешок, оставляя гайке место на столе. — Но честный.

Катя встала за моим плечом — контроль по протоколу: секундомер, карандаш, ровный голос. Ада держала метку.

— Второй разрешаю. Больше пока не включай, — Катя приблизила часы к краю стола. Предплечье снова легло на узел; поверхность дрогнула, и отражение пошло.

Гайка. В кулаке — правом. Потом кулак разжимается, пальцы разглаживают гайку, и она летит — влево от мешка, катится по дуге к краю стола и замирает у самой кромки, гранями вверх. Всё движение целиком, одно, ближайшее, сжатое в свой короткий срок. Я попробовал тянуть взгляд дальше по следу — туда, за гайку, за эти три секунды, куда она покатится потом... и там не было ничего. Вновь видна была только серая поверхность. Наклонился ниже, попробовал удержать в ней след гайки — ничего. При этом под предплечьем потеплело сильнее; пришлось приготовиться отнять руку сразу после диктовки. Одна активация — одно ближайшее движение. Хотелось вытянуть больше, но предел уже обнаружился, и я с удовольствием посмотрел на Катин карандаш: вот это она и запишет, без моих надежд.

— Кулак правый, брошено влево, у кромки, гранями вверх, — диктовал, не отводя взгляда от следа. — Олег — бросай.

Олег разжал правый кулак. Бросил влево. Гайка докатилась до кромки и легла гранями вверх, до миллиметра сов-

пав с показанным следом, и я уже готов был глупо улыбнуться, потому что — попал, моё, работает, моё!

И тут я увидел бумагу.

Лист под левой рукой Олега. Он клал на него ладонь, когда я начинал диктовать, — привычный жест, прячем черновик. Но ладонь сдвинулась, и я успел прочесть верхнюю строчку, написанную аккуратным торговым почерком — до броска, до моей диктовки, до всего: «Тест 2. Гайка, лево, кромка, грани вверх». А ниже — ещё строчки. «Тест 3. Колпачок, право». «Тест 4. Мешок вслепую, три прогона». Тесты, которые ещё не случились. Не случились — а уже записаны результатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.